

18+

содержит
нецензурную
брань

Константин Шеметов

ОСЛИК *Иисуса Христа*

*Хочешь остаться
нормальным — не присло-
няйся к поверхностному.*

*Выпирающие части
красивы, но коварны,
а что до власти — тем
более. Прислоняться к
президенту, парламен-
ту и «Гостелерадио»
опасно для жизни.*

*Неразборчивые связи,
как известно — главный
источник триппера.*

Константин Шеметов

Ослик Иисуса Христа

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8687247

Ослик Иисуса Христа: «Геликон Плюс»; Санкт-Петербург; 2014

ISBN 978-5-93682-961-1

Аннотация

Сотрудник оборонного НИИ допускает в своей диссертации критику политического режима. Его увольняют из армии, лишают воинского звания и отправляют в психиатрическую клинику. Он чудом спасается и вскоре бежит в Великобританию, где делает успешную карьеру учёного. Между тем, увлечение наукой и продолжающийся в России произвол наводят учёного на одну мысль. Не то чтобы спасительную, но позволяющую хотя бы надеяться на близкие перемены: он намерен ускорить эволюцию своих бывших сограждан (этих «осликов», на которых кто только не катался – от Иисуса Христа до президента с Патриархом).

Как и предыдущая работа автора («Магазин потерянной любви») роман написан в ироничной манере. Вместе с его героями мы заглянем в будущее, прокатимся из Москвы в Улан-Батор, посетим Лондон, полуостров Ямал и побываем на Марсе. Узнаем о новых технологиях, переживём любовную драму, вернёмся в прошлое, а там и вовсе потеряем ход времени.

Содержание

Пролог	4
Часть первая. Итерация	18
I	18
II. Собственная книга	29
III. Ингрид Ренар (15.03.2036, суббота)	43
IV. Мысленное возвращение	54
V	67
VI. Ингрид Ренар (16.03.2036, воскресенье)	78
VII. Волшебство одиночества	87
Часть вторая. Рекурсивный анализ	104
I	104
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Константин Шеметов

Ослик Иисуса Христа

Величайшая трагедия жизни состоит не в том, что люди гибнут, а в том, что они перестают любить.

(Сомерсет Моэм, «Подводя итоги»)

Да гори оно всё синим пламенем!
(Курт Воннегут, «Времетрасение», реплика Килгора Траута)

Пролог

Регулярность событий – обычное дело и большинством людей воспринимается как нечто естественное и само собой разумеющееся: сначала хорошо, затем не очень – и снова прекрасно. Всё правильно. Повторяя одно и то же на протяжении долгого времени, человек хоть и изматывается, но в конечном итоге приходит к вполне выгодному для себя решению.

Постепенно он осознаёт свои ошибки, переживает их и старается не повторять в будущем. Он всё глубже понимает суть явлений, формирует своё отношение к ним и в зависимости от этого планирует очередное действие. Иначе говоря,

он развивается. Человек повторяется, а, повторяясь, привыкает к этому повторению и даже находит в нём некоторый комфорт. В сущности, он и сам – повторяющееся событие (и это не может не радовать).

Что интересно – в индивидуальном развитии отражаются также и более крупные формы. В соответствии с основным биогенетическим законом, к примеру, любой организм в своём становлении (онтогенез) повторяет образы, пройденные его предками или видом (филогенез). Одним из первых такую связь заметил немецкий естествоиспытатель Эрнст Геккель. Случилось это примерно в 60-е годы XIX века. В дальнейшем он не раз ещё переосмыслит своё открытие и с головой уйдёт в философию. Философия Геккеля тем и интересна – в основе единого механизма развития она предполагает как раз повторяемость.

Да и вообще, если оглядеться, идея повторяемости кажется весьма универсальной и касается буквально всего: физической материи, социального устройства, истории, спиралевидной галактики и, надо думать, Вселенной. К слову сказать, не прошёл мимо и Голливуд. Взять хотя бы известный фильм «День сурка» (Groundhog Day, сценарий Дэнни Рубина), где мысль о развитии через повторение доведена по сути до совершенства. Зря, что ли, к концу ленты Фил Коннорс не только выучился музыке, но и влюбил в себя Риту, о которой поначалу и думать не смел?

Те же принципы лежат и в основе наиболее эффективных методик познания. Взять хотя бы диалектику Гегеля, математическую логику Готфрида Лейбница или, пусть бы даже, структурную модель психики, весьма кстати предложенную Сигизмундом Шломо Фрейдом в преддверии нацизма, грядущих войн, массовых репрессий и террора. Учёный словно в воду глядел – людям и вправду вскоре понадобится серьёзная психологическая помощь. («Здравствуйте, господин Фрейд, можно и мне немного кокаину?» – «Пожалуйста, но сначала узнаем истинную причину ваших бед».)

Относительно бед. Эта книга – прежде всего история человека, бóльшая часть жизни которого прошла в России первой половины XXI столетия, омрачённая чередой потерь и долгим периодом авторитарного правления в РФ – как будто и не было в природе ни многострадального опыта, ни Панкратонского Фила, ни Гегеля с Лейбницем.

Иными словами метод развития через повторение (как всеобщий и универсальный метод эволюции) в России не работал (а если и работал, то издевательски медленно). Став правопреемницей Союза ССР, намеренно уничтожившего лучших людей страны, РФ вполне переняла советские методы, сменив лишь вывеску и экономический уклад. Переждав период зарождения капитализма, она вновь принялась за старое и продолжила изводить своих граждан, прикрываясь идеалами рыночной экономики и справедливости.

Российскую власть будто заиклило на этом «рынке», не говоря уже о «справедливости», – никакой справедливости здесь не было, а конкурентная борьба сводилась к brown nose («коричневый нос», английская идиома, означает угодничество, добровольное унижение, холуйство). У кого этот нос оказывался более коричневым, тот и «выигрывал оффшор». Блок-схема, описывающая русский цикл, не предполагала условий его окончания, а от «носов» пахло всё дурней и дурней.

Чего не скажешь об астероиде Апофис. Он не имел запаха и хоть регулярно приближался к Земле (последний раз весной 2029-го), всё ж таки менял свою орбиту и предполагал вполне осязаемое условие окончания цикла. По некоторым данным, в апреле 2036 года Апофис столкнётся с Землёй, произведя небывалые разрушения. Мощность взрыва составит около двух тысяч мегатонн – взрыв более чем достаточный для завершения шестого периода массового уничтожения видов.

Астероид был открыт учёными из обсерватории Китт-Пик в Аризоне и назван по имени древнеегипетского бога Апопа (в древнегреческом произношении Ἄποφις, Апофис) – злодея, пытающегося уничтожить Солнце в течение его ночного перехода (пока мы спим). В самом деле злодей. Но лучше уж так, чем бесконечно терпеть русский цикл.

Четырнадцатого марта 2036 года в лондонскую галерею современного искусства Tate Modern поступили четыре живописные картины неизвестного художника и рукопись на русском языке. Заинтересовавшись посылкой, директор выставки отправила рукопись в перевод и в тот же день получила английский вариант – около трёхсот страниц текста и сопроводительное письмо, подписанное неким Генри Осликом.

«Здравствуйте, Ингрид Ренар, – писал Ослик. – По словам Жюля Ренара, перед лицом смерти мы особенно часто возвращаемся к книгам». Ингрид задумалась. Странно, она ведь тоже была Ренар. Этот Ослик или сумасшедший, или с нею самой что-то не так. «Но доведись нам разобраться более вдумчиво, – продолжал художник, – то и со мной и с вами всё в порядке. По мне так книги – лишь промежуточный шаг итерации самосознания. Представьте: человек словно зеркало, где отражена его реальность, и вдруг в какой-то момент он заглянул в другое зеркало напротив».

Зеркало в зеркале – опыт бесконечности.

Буквально нынешним утром Ингрид по обыкновению отразилась между двух зеркал в туалете Tate Modern и в который раз, уже совершенно неосознанно, попыталась посчитать себя. Ослик как в воду глядел: она бесконечно повторялась и была похожа на книгу, вероятно ещё не написанную, но уже достаточно прочтённую. Ингрид Ренар, директор выставки живописных картин.

Она вернулась к рукописи. «За чтением чужих мыслей, – писал её невидимый друг, – следуют размышления, затем собственная книга и наконец живопись». В этом месте Ингрид приостановилась, а затем раз-другой повторила чуть слышно: «...and finally painting – likelihood, primitive and in more or less impressionistic style» («...и наконец живопись – скорей всего примитивная и в более-менее импрессионистском стиле»). «Картина – как впечатление от пережитого, – Ослик явно входил в раж, – мимолётное впечатление, а заодно и надежда – непонятно на что и непонятно зачем».

Зачем? Импрессионисту не важно, что изображено на рисунке, зато важно, как изображено. Ингрид твёрдо усвоила этот урок ещё со школы, так что ответ напрашивался сам собой – для удовольствия.

Она заглянула в холсты. Картины и вправду впечатляли. А этот Ослик не так уж и плох. Немного не в себе, зато искренен, с долей иронии и явно с воображением. Замысел тоже был вполне *impression*: художника будто кидало от зеркала к зеркалу. Иными словами Осликовы представления вибрировали (подобно кисти Эжена Делакруа, предшественника импрессионистов, а там и Дега с Моне). Сначала эти представления казались поверхностными (текучесть мгновения – ни дать, ни взять), но дальше всё настойчивей совершенствовались и, следуя логике детализации, создавали в целом понятную картину мира. Ингрид заметила и особое своеобразие

произведений. Сразу не скажешь, но что-то было в этой живописи строгое и совершенно формальное, как теорема.

Вероятно, в основе мировоззрения Генри действительно лежала математика, что следовало, в том числе, и из названий работ: «Итерация» (часть I), «Рекурсивный анализ» (часть II), «Математическая индукция» (часть III) и наконец «Ослик Иисуса Христа» (часть IV) с подзаголовком в скобках «Общая теория счастья».

Даже ослики размышляют о счастье, улыбнулась Ингрид, а вот в математике она мало что понимает. Окончив после университета специальную художественную школу в Кембридже, Ингрид напрочь забыла о математике. Остались разве что отрывочные сведения о приложениях. К примеру, о том, что существует возможность описать окружающий мир в терминах дифференциальных уравнений. Как это сделать, она не знала, да и не хотела знать. Привлекала сама возможность и, конечно, загадочные названия учебников и имена авторов, не лишённые подчас сексуальности. Взять хотя бы Дональда Кнута с его книгой в семи томах «Искусство программирования для ЭВМ» (Donald E. Knuth, The Art of Computer Programming).

Впрочем, и Ослик не был профессиональным математиком. Судя по его письму, он получил весьма сомнительное образование (какое-то «училище РВСН», как он пишет) и о карьере учёного не помышлял. Тем не менее, распределив-

шись в одиннадцатом году в Московский оборонный центр, Генри был вынужден заняться пусть и не наукой в чистом виде, но, по крайней мере, её подобием, о чём впоследствии горько пожалел.

Пожалел, и не раз. Ещё в училище он влюбился в некую Эльвиру Додж, студентку пединститута из Владимира, и когда их отношения разбились, написал диссертацию, но не по специальной тематике (как ожидал от него учёный совет), а про любовь. В своём роде роман, который, безусловно, не входил ни в планы РВСН (Strategic Rocket Forces, объяснил переводчик), ни тем более в планы Единой России (в то время правящая партия, гнобившая своё население, особенно порядочных и умных).

Научная диссертация как роман о любви.

Надо же. Ингрид не знала, что и думать. Русским не позавидуешь. Взять хотя бы статистику их смертности. Одних пешеходов в РФ погибает по сто тысяч в год, не говоря уже о брошенных детях, политзаключённых и самоубийцах.

Как тут не вспомнить нашу мевшую в своё время книжку Джони Фарагута «Магазин потерянной любви» (ещё одна «диссертация» на наболевшую тему, Johnny Faragut, The Shop of the Lost Love). Этот Джони нелегально эмигрировал из России, но был схвачен и осуждён за измену Родине. Он получил пожизненный срок, чудом освобожден, однако следы его затерялись. Даже если и допустить, что он жив, неслож-

но представить, каково ему (всю жизнь скрываться и в любую минуту ждать ареста). Незавидная участь. Но вернёмся к делу.

В феврале 2013-го за свой «любовный опус» Ослик был уволен из армии, лишён офицерского звания и с диагнозом «слабоумие» отправлен в психиатрическую больницу.

По замыслу его начальства бывший ракетчик должен был провести в клинике остаток жизни (итерация со смертельным исходом). Но нет, в один прекрасный день Генри сбежал и через какое-то время, получив политическое убежище в Великобритании, перебрался в Лондон. Вскоре он устроился продавцом в букинистический магазин Клода Вулдриджа (Луи Басс, «Роскошь изгнания»), а там и попытал счастья в Ширнесском университете (графство Кент, остров Шеппи). Попытал так попытал: к 2018 году Генри уже был профессором и руководил в этом Ширнесе лабораторией искусственного интеллекта.

Ну что тут скажешь? Ингрид искала ответы, но не находила. Казалось, Запад тем и богат: любой псих из Восточного блока делает здесь карьеру, а затем бесконечно отражается в своих зеркалах, повинуюсь рекурсии и преодолевая индивидуальные комплексы.

Вот и Ослик («ослик Иисуса Христа» – как иронично называл себя Генри), получив относительную безопасность в Британии, мог сколько угодно ёрничать, размышлять, стро-

ить догадки, кричать во всю глотку и смеяться над коммунизмом (новым коммунизмом современной России), изгоняя из себя «ослиную» участь. Насколько Ингрид могла понять, метафора в том и заключалась: ослик, на котором ездит Иисус Христос (знаменитый въезд Христа в Иерусалим, Мф. 21:1–12), – это люди, подобные Генри – разочаровавшиеся в жизни, утратившие цель, вдохновение и счастье.

Никто из них не просил родиться, но все они вынуждены жить, подчиняясь смутному ощущению необходимости это делать. «Иисус Христос» здесь – не только религия, государство и прочие механизмы подавления личности, но также и сама животная сущность человека (регулярно напоминающая о себе какой-нибудь гадостью). Всё это унижительные издержки эволюции, угнетающие приличного человека. Метафорически, освободиться от Иисуса Христа означает по сути прожить достойную жизнь, основанную на здравомыслии и благородстве.

Ещё с детства Ингрид полюбила осликов, начитавшись про них в сказках и насмотревшись познавательных фильмов на канале Animal Planet. «Трогательные существа, и что на них ездить?» – удивлялась она, но как-то отстранённо и не вполне осознанно. Теперь же Ренар задумалась: а ведь она тоже была «осликом». Тем самым «осликом Иисуса Христа», о котором упоминал профессор. Иисус давно уже выбрал её, и, ясное дело, выбрал не просто так.

К примеру, мог бы он выбрать лошадь или верблюда? Вряд ли. И конь, и верблюд не обладают ни ослиной кротостью, ни миролюбием (верблюд вообще кого хочешь съест). К тому же конь и верблюд – весьма крупные животные и, восседая на них, Иисус выглядел бы слишком претенциозно, что не к лицу скромному мученику.

Насчёт «скромности», правда, Ингрид погорячилась. «Мученик» изначально претендовал на власть и, отчаявшись, даже признался в этом Пилату. Отсюда, кстати, и его ироничное прозвище «INRI» (Jesus Nazarenus Rex Iudaeorum – Иисус из Назарета, царь Иудеи, Ин.19:19–22). Так что амбиций там хватало.

Другое дело – «предвыборная кампания». Известно ведь – сколь амбициозен ни был бы общественный деятель, он всё равно вынужден демонстрировать скромность. Скромность украшает политика, а Иисус, если уж идти до конца, и был этим самым политиком – чрезвычайно популярным, артистичным и с чётко выраженной социал-демократической программой. Сами посудите: даже будучи распятым, за две тысячи лет INRI не проиграл ни одной избирательной кампании. В этой связи решение Иисуса Христа воспользоваться ослом как раз понятно: людям нравится, когда их герои просты, доступны и придурковаты (такие же собственно, как и они сами).

И что же ослик? Да ничего. Он всё так же покорен, а при малейшем неповиновении отправляется или в тюрьму, или

в психиатрическую клинику.

Хорошо, хотя бы Генри сбежал. И всё же «ослиный» комплекс не давал ему покоя: он то представлял себя растерзанным в Бутырской тюрьме, то лауреатом Нобелевской премии. Единственным выходом для себя (как и для всего человечества) он видел многократное повторение одного и того же. «Глядишь, что-то да прояснится», – писал он, а Ингрид читала и всё больше проникалась его мыслями.

Мысли же были просты: Ослик затеял опыт с возвращением, но не бесконечно (вечное возвращение бессмысленно, по мнению Ницше), а пока не поумнеешь. Начиная с какого-то времени Генри стал регулярно (хотя бы раз в год, и лучше осенью) навещать Россию. Он внимательно наблюдал за происходящим, обращался к своим чувствам, записывал дневник, а затем возвращался обратно в Ширнесс – к работе и размышлениям. По замыслу как раз итерация (с посещением Бутырки в широком смысле) и должна была показать, что к чему, разрешив таким образом «ослиную» зависимость.

Дочитав письмо, Ингрид пришла в смятение. История человека, приславшего картины и рукопись, вызывала по меньшей мере любопытство и не вполне объяснимое пока чувство духовной близости с ним.

День приближался к концу. Четырнадцатое марта загадочным образом совпадало с эпохой орбитальных характе-

ристик астероида Апофис. Во всяком случае, «Википедия» ссылалась именно на 14.03.2012. Вычисления были сделаны 24 года тому назад, день в день, а изменившиеся с тех пор показатели астероида лишь подтверждали неутешительные прогнозы. «I doubt whether this thing will overfly, – писала The Guardian, – goodbye» («вряд ли эта штука пролетит мимо, до свидания»).

«До свидания», – будто вторил этой газете Ослик, прощаясь с Ингрид. В конце своей сопроводительной записки профессор высказывал предположение, что его холсты не пропадут зря, а рукопись послужит комментарием к ним, и, как он надеялся, станет своеобразным экспонатом галереи современного искусства. «Нельзя же повторяться до бесконечности, – словно убеждал он сам себя. – Должен же быть какой-то выход».

В поисках этого выхода бились миллионы людей по всему свету. Вот и она теперь станет биться, подозревала Ингрид, и не ошиблась. Сняв копии с картин, она прикрепил листы к рукописи, решив заняться этим более основательно и не в рабочее время. Наступали выходные. Ренар спрятала холсты у себя в кладовке и засобиравшись домой.

Все «ингрид» возвращаются домой.

Остаток вечера они проводят с книгой и вибратором, а наигравшись (читай: наплакавшись поздней ночью), засыпают, надеясь на скорые перемены. Этот цикл повторяется изо

дня в день, и хорошо, если произойдёт чудо. Условие же выхода из итерации, как правило, размыто. Вот люди и крутятся, будто сломанная программа.

И что они крутятся? Снег идёт.

Пакеты летают по улицам.

В небе кружится вертолёт.

Снятся ужасы.

Часть первая. Итерация

I

О том, что его «программа сломана», Генри знал и раньше, да всё руки не доходили починить. К тому же сама возможность ремонта казалась ему сомнительной: он не знал, как и подобраться к этой программе. Ослик не мог даже поставить задачу, не говоря уже о её решении. Были одни симптомы. Мысленно он не раз приходил к врачу, но врач опаздывал, приём откладывался, и, отчаявшись ждать, больной уходил.

Симптомы? Насчёт симптомов он убедился ещё в психиатрической клинике, куда попал за свою диссертацию о любви. Дурдом как дурдом, но Генри ведь знал, что не псих, и поэтому с утра до ночи прислушивался к себе и присматривался (может и вправду что-то не так?). Это и были его симптомы – прислушиваться к себе и присматриваться: а не дурак ли он? Даже сбежав из дурдома и устроившись в Ширнесском университете, Генри не мог ни с чем определиться. Ни с любовью (он любил одну, его любила другая и так далее), ни с друзьями (он давно позабыл о них, да и они тоже), ни со смыслом жизни (разве что удовольствие, но и его со временем поубавилось).

(Эльвира Додж? К тому времени он давно расстался с Додж, так что рассчитывать на её помощь не стоило. Да и вообще – всё это большое заблуждение насчёт близости: человек, которого ты любишь, а он нет, скорее добьёт тебя, чем поможет. К тому же эта студентка пединститута (верно, педагог теперь) давно и думать забыла про Ослика, его диссертацию, психиатрическую клинику и Осликовы симптомы.)

Последняя волна вдохновения пришла к нему год или два назад. Скорее, два, в 2016-м. В ту пору он занимался искусственным интеллектом и, в частности, разрабатывал алгоритмы страха для бельгийской компании Belgium Computers – крупнейшего в Европе производителя андроидов. Профессор мог бы и не браться за этот «страх», но взялся, поскольку и сам боялся.

Генри боялся всего на свете.

Он боялся времени (кто не может управлять временем, управляет часами), боялся людей, боялся жизни и боялся смерти. «Страх смерти, может быть, самое сильное чувство», – писал Шостакович. И не «может быть», а так оно и есть – кивал Ослик, проявляя невиданную солидарность с советским композитором. (Нет, Генри любил музыку, – ничего личного, – но так, чтобы без привязки к идеологии, а лучше бы и вовсе музыка имела инопланетное происхождение.)

Он боялся себя, боялся своего воспитания, воспитания

других людей и того, что этим людям невдомёк, кто они и зачем живут. При всей своей боязни, однако, Генри также и понимал, что страх является основополагающим рефлексом для эволюции видов. Пожалуй, он мог бы обучить андроида страху, но принципиальным здесь было другое: каков механизм воздействия страха на способность к развитию и как встроить этот диалектический механизм в архитектуру машины.

Примерно тогда же Ослик внимательно следил за проектом «Геном человека» (The Human Genome Project, HGP – международный проект по расшифровке генома человека под эгидой Национальной организации здравоохранения США). Учёные открывали один за другим новые гены, что по идее должно было бы вызвать небывалый прогресс. Но никакого прогресса не случилось. Воз и ныне был там: неизлечимые болезни остались неизлечимыми, клонирование не пошло (из-за этических препон и ограничилось виртуальными образами), да и в других приложениях мало что изменилось.

Единственное, что Ослик вынес из этой затеи, – сходство. Люди, к примеру, отличаются друг от друга всего лишь на 0,1 % (99,9 % совпадений). Посему, геном офицера СС или, скажем, Владимира Путина практически идентичен геному еврея из Аушвица или геному узника совести из Бутырки. Но даже не в Бутырке дело. Геном человека в основном сов-

падает с геномом дрожжей и банана (разница с бананом не более 50 %). Добавим к этому идентичные у всех гены, ответственные за страх. Иначе говоря, потенциально банан в той же степени трусоват, что и Гер Шикльгрубер, и Ангела Меркель, и узник совести.

Волей-неволей все эти «бананы» имели одну и ту же функцию развития и, как понял Ослик, функция была итерационной. Вновь и вновь возникающий страх придавал банану жизнестойкости. При этом банан отнюдь не становился храбрее: просто слабый уступал место сильному – вот и весь механизм.

Таким образом, подытожил профессор, сам по себе страх мало что значит, зато способствует проявлению внутренних качеств.

Относительно бельгийского андроида.

Ослик довольно быстро разобрался, что к чему, и кое-что придумал. В сущности, это была модель индивидуальной эволюции, основанная на страхе (и в лучших традициях Чарльза Дарвина). Генри назвал её «Моделью крокодила».

«Крокодил, – писал он коллегам из Брюсселя, – самое трусливое существо в мире. Он ежесекундно переживает страх, опасаясь любого шороха, и в каждый момент готов к героическому поступку. Готов к труду и обороне, в своём роде», – смеялся Ослик, вероятно имея в виду восстановленный в России советский комплекс ГТО для физического

развития подростков. И дальше: «Защищается крокодил или наступает – толком не ясно, что и не суть. Важно другое – крокодил не оставляет без ответа ни один вопрос».

Заметим сразу, этот текст, обращённый к Belgium Computers, в значительной степени определил и настроение Ингрид спустя двадцать лет. Письмо вошло составной частью в полученную ею рукопись, было предельно кратким, зато содержало с десятков иллюстраций, выполненных самим же Осликом.

На одной из них сидел крокодил. Довольно приличный с виду крокодил – в костюме и с галстуком. Он поправляет очки, чуть улыбается и смотрит «Да Винчи Лёнинг»¹. Судя по картинке, детский канал даёт постановку о жизни Альберта Эйнштейна в непростой для него период. Период и в самом деле непрост: Альберт разрывает отношения с первой супругой (Милевой Марич) и всё больше сближается со своей двоюродной сестрой Эльзой Эйнштейн. (Разрыв с одной, связь с другой – чем не метафора самопознания?)

«Можно сказать, – продолжал Ослик, обращаясь к коллегам из Брюсселя, – наш крокодил чрезвычайно любопытен, что и понятно: любопытство ведь тоже производная страха. Другое дело – откуда этот страх берётся? Ведь, казалось бы, кому-кому, а крокодилу бояться нечего».

С романом «Нечего бояться» (Nothing to be Frightened of)

---

¹ Da Vinci Learning – научно-образовательный телеканал для детей и взрослых

Джулиана Барнса у Ослика была своя история. Он несколько раз брался за книжку, но всё без толку: размышления о смерти (как всегда ироничные и утончённые у этого писателя-интеллектуала) тем не менее не давались. Не давались, не давались, но в какой-то момент всё же дались и дело пошло. Да и как не пойти: Ослик то и дело перечитывал Барнса, влюбившись в его прозу ещё с «Истории мира» (Джулиан Барнс, «История мира в 10½ главах»). Впрочем, мысли о крокодилах пришли к Ослику несколько позже.

По его мнению, крокодилий страх – не прихоть, и обусловлен исторически. В отличие от сухопутных (включая зайца-русака – как расхожий пример трусливого существа: кто только его ни ест), именно обитатели морей и рек в своё время пережили глобальное вымирание видов. Крокодилы, акулы и иже с ними кубомедузы (лат. cubozoa) воочию видели, как корчатся в предсмертных муках их друзья динозавры.

«Весьма вероятно, – рассуждал Ослик, – что крокодил попросту испугался (и испугался не на шутку) однажды высунувшись из воды и завидев гигантские туши травоядных (и хищников) – умирающих, ни на что больше не годящихся, с глазами, полными ужаса». И ещё: «Невероятный страх вызвал у крокодила генную мутацию, а там пошло как по маслу: вновь и вновь повторяющиеся картины масштабного бедствия вынуждали крокодила (акулу, медузу и так далее) чув-

ствовать, видеть и осязать несоизмеримо более остро, чем тот же заяц-русак».

Ингрид особенно нравилось это Осликово «и так далее». Она тоже с увлечением читала Барнса, а его «Любовь и так далее» (продолжение и концовка «Как всё было», любовный треугольник) и вовсе произвела на Ингрид неизгладимое впечатление. Без сомнения, роман изменил её. Теперь же она с грустью констатировала: «Loving are also: crocodile, shark, etc.» («Влюблённые ведь тоже: крокодил, акула и т. д.»).

Зато Ослику было не до грусти. Он с возбуждением учёного переосмысливал свою теорию, шаг за шагом продвигаясь к развязке.

«Впоследствии, – Ингрид вникала в письмо всё внимательнее, – пережив трагедию и приобретя в высшей степени обострённые чувства, крокодил уже никогда не оставлял без ответа ни одного вопроса и ел всех подряд. По сути, под воздействием страха он повторялся, а повторяясь, находил и смысл жизни, и практическую её суть, и удовольствие. Повторение (итерация) под воздействием страха – вот кратчайший путь к постижению мира. До свидания, мои бельгийские друзья», – заключил Генри. Генри Ослик – русский диссидент и руководитель лаборатории искусственного интеллекта в Ширнесском университете.

Для реализации «Модели крокодила» Ослик применил

числа Фибоначчи (каждое такое число есть сумма двух предыдущих: 0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34...). Эти числа играют важнейшую роль во множестве алгоритмов (матушки-природы), и Генри не без оснований полагал, что они прекрасно подойдут и для андроида.

Полагал – и не ошибся. В соответствии с последовательностью Фибоначчи размножаются кролики и, как удалось доказать профессору, в соответствии с теми же числами нарастает и накапливается страх. Это принципиальное открытие позволило Генри не только совершенно по-новому структурировать эмоциональное поведение бельгийской машины, но и разработать оптимальный механизм её тестирования.

Особенно пригодилась так называемая формула Фибоначчи «в замкнутом виде», полученная А. Муавром в 1718 году и довольно широко используемая в математике для доказательств по индукции. В применении к андроиду на основе «замкнутой» последовательности происходит накопление страха и регулирование общего психического состояния.

Для собственно развития машины («испугавшейся» машины) наряду с классическим подходом линейных цепей учёный воспользовался методом производящих функций Николая Бернулли. В соответствии с этим методом ряд Фибоначчи будто воспроизводил сам себя. Воспроизводил в соответствии с логикой приобретения опыта, но лишь до поры – дальше следовал новый цикл, добавление страха, следующий опыт (озарение: что ж я раньше не догадался!) и т. д.

Обе процедуры – итерационные, автономные и саморазвивающиеся. По сути, в ходе нескольких месяцев напряжённой работы и переосмысления своих предположений относительно страха Ослику удалось взять под контроль и сам страх, и его последствия.

Закончив работу с бельгийским андроидом, Генри чуть успокоился, а дождавшись осени, решил испытать «крокодилий опыт» на себе.

Осень в Ширнесе выдалась дождливой. Восемнадцатый год вообще оказался чрезвычайно сырым и холодным. По обыкновению, Генри проводил вечера и выходные у моря. Профессор часами бродил вдоль набережной, смотрел, как разбиваются о пристань волны, и много думал.

Его страхом был «ослиный комплекс» (включая оборонный центр, учёный совет при нём, дурдом на Мосфильмовской и президента с правящей партией), а чтобы поумнеть, Ослик задумал регулярные визиты в Россию.

«К доктору», – смеялся он над собой (смеялся и боялся). Историческая родина одновременно и звала его, и пугала. Тем не менее, несмотря на страх Ослик решил придерживаться первоначального плана. Добавим к этому – любопытство. Будучи чрезвычайно любопытным (как и наш крокодил), он с удовольствием смотрел «Да Винчи Лёнинг» и терялся в догадках – сочувствовать ему (образно говоря) Милеве Марич или нет?

Свой «план» Ослик представлял как захватывающую (и полную приключений) версию ускоренной эволюции видов на Галапагосах. «Зяблики Дарвина» в своём роде: островами была его голова, а зябликами он сам.

«Что ж, зяблик так зяблик», – соглашался Генри.

Его одолевали мысли о будущем (зяблик перелетал с острова на остров), а за размышлениями он всё чаще засиживался на работе. Особенно ему нравилось «засесть» в подсобке для подопытных животных. Сядет себе и сидит за компьютером пока сторож не явится:

– Мистер Генри, не пора ли домой?

– Ещё немного, Олдос.

Олдос кивал, а Генри вновь уносился к своим «Галапагосам», то и дело поглядывая на печальную крысу с умными глазами и спасаясь письмом к самому себе же. – «А к кому ещё?» – нет-нет, а и задавался он вопросом, но ответа не было. Генри давно уже ни с кем не переписывался, да и переписываться было не с кем, разве что с его старыми друзьями из клиники на Мосфильмовской (но о них позже).

Время от времени он распечатывал записи на принтере, словно хотел получить хоть какое-то материальное подтверждение своим мыслям.

В условиях всеобщей виртуализации материальное подтверждение чего бы то ни было кажется весьма ценным. В некотором роде – связующее звено между абстрактностью

и бытом. Так или иначе, любой человек нуждается в таком подтверждении – не сомневался Ослик.

Вот и теперь, закончив очередное письмо, он отправил его в печать. Принтер заурчал, затем вдруг затих и снова заурчал. Это была допотопная модель HP LaserJet Pro 200, изрядно потрёпанная и давно выработавшая гарантийный ресурс. Тем не менее принтер справлялся. Уже через минуту он выдал с десяток листов текста: «12.10.2018, пятница, 19:08, Ширнесс, подсобка для крыс». Дальше следовал заголовок, эпиграф из Ницше и собственно мысли, обращённые к самому себе.

II. Собственная книга

Вовсе не так легко отыскать книгу, которая научила нас столь же многому, как книга, написанная нами самими.

(Фридрих Ницше)

Ещё задолго до этих событий Генри (как и любой эмигрант, надо думать) то и дело возвращался в Россию мысленно. Лишь только сбежав из московского дурдома за границу, он регулярно слушал «Эхо Москвы» и смотрел «Сетевизор». В сущности, Ослик переживал растерянность (так свойственную беглецам в первое время) и хотел как можно больше подтверждений своей правоты: нет, не зря он сбежал, будь неладен советский строй.

К тому же Генри весьма болезненно переживал разрыв с Эльвирой Додж (которую любил и будет любить ещё долго), не говоря уже о Наташе Лобачёвой. Наташина привязанность к нему и радовала, и удручала. Он считал её своим другом, а она, безусловно, страдала, считая Ослика своей неразделённой любовью. Честно сказать, Генри терялся. Он разрывался между любовью и виной, утешая себя то логикой, то игрой воображения: их треугольник имел естественное происхождение, был равносторонним, правильным и с суммой углов равной половине жизни.

Половина жизни? Как бы не жизнь: если Наташа была

ироничной и утончённой (подобно романам Джулиана Барнса), то Эльвира вынесла Ослику мозг (её «книга» была, скорей, «Бойцовским клубом» Чака Паланика). Вот и люби теперь Додж. Любить без разбору – рискованная затея.

Тем не менее, формальной причиной их разрыва был отнюдь не «бойцовский клуб», а Осликова мама. Однажды она тайком прочитала Элины письма к Генри, приехала к ней во Владимир и устроила скандал. «Твоя Додж – лесбиянка, – заявила она по возвращении, – не смей даже думать о ней!» Но Ослик думал. Устроившись годом позже в «шарашкину контору», Ослик по-прежнему думал о ней. Эля не выходила из головы. Эльвира Додж – потерянная любовь Генри Ослика.

(Осликова мама не любила лесбиянок. Положа руку на сердце, она презирала их, демонстрируя тем самым довольно расхожий в ту пору образчик коммунистического воспитания. К тому же за геев и лесбиянок заступалась Америка, а США были заклятым врагом Советского Союза. США и до сих пор оставались врагом номер один (теперь уже современной России). Спустя почти тридцать лет после развала Страны Советов, РФ так и не признала ни одного её злодеяния. Более того – красный террор и сталинские репрессии, к примеру, и поныне считались если не законными, то, безусловно, оправданными актами.)

Недолго думая, Эльвира прекратила всякие отношения с Осликом, даже не позвонив ему и не ответив ни на одно его

письмо. Лишь спустя годы, Ослик усомнится: а чего он, собственно ждал? Люби его Додж, как он её, они бы ни за что не расстались. Так что зря Генри злился на маму. Ему бы спасибо ей сказать, но нет – он разрывался. До сих пор разрывался между честолюбием и рефлексом соития – этим ослиным рефлексом продолжения рода.

Наивысшей точкой любви к Додж стала «знаменитая» Осликова диссертация, круто изменившая его жизнь, но так ничего и не разрешившая. «Додж, королева Иудеи» – под таким названием он зарегистрировал свою работу в ВАК (высшая аттестационная комиссия), где, собственно, и попался. К нему подошёл голубоглазый мужчина с выправкой коня и портфелем.

– Здравствуйте, Генри Ослик, – сказал он. – Особый отдел.

– Здравствуйте, Особый отдел, – ответил Ослик.

– Пройдёмте с нами.

И Ослик прошёл. «Прогулка» длилась год и два месяца. «Долгая прогулка» – не раз ещё он припомнит этот роман Стивена Кинга, а заодно и Олега Митасова – городского сумасшедшего из Харькова. У Олега Евгеньевича «поехала крыша» после того, как он забыл в трамвае свою докторскую диссертацию (и в отличие от Ослика даже не доехал до ВАКа). Остаток жизни Митасов прогуливался по городу и оставлял надписи на заборах и стенах домов. «Несвязные

слова», как указано в «Википедии».

И этот сумасшедший, и «Долгая прогулка» Кинга прочно засели в Осликову голову и сидели там, пока он не уехал из страны (а может, и поныне сидят там, как знать?). «И, верно, сидят», – то и дело спохватывался он, вспоминая время от времени свою «королеву» Иудеи.

Додж, королева Иудеи

Итак, Генри Ослик (научный сотрудник Московского оборонного центра) вместо диссертации по специальной тематике решил написать роман о любви. Неразделённой и, в сущности, потерянной любви, если следовать сугубо практической логике.

На самом деле учёный совет зря обиделся. Работа была хоть и не в тему, зато вполне научной: с постановкой задачи, с анализом проблемы, и вообще могли бы не заметить – написал, и написал («Что сказал, то сказал», Понтий Пилат по поводу INRI).

Вероятно, эти доктора наук (и естественно единороссы) увидели в Ослике угрозу – он не был «своим». Помните сказку про гадкого утёнка? Вот и здесь так же: Генри не был своим, а значит, был врагом. Врагов в ту пору отыскивали с удовольствием и всюду. Да весь мир, если разобраться, был у русских врагом.

Между тем, Осликова диссертация о любви оказалась не

так уж и плоха. Эльвира Додж, по которой он страдал, представляла там своего рода непознанной истиной. Познать её – что познать Иисуса Христа (самозванца из Назарета). Отсюда и образ – Додж, королева Иудеи.

Он любил эту Додж до беспамятства, но, как выяснилось, любил христианской любовью паствы: платонически и слепо (не разобравшись в себе, он решил разобраться в Боге). Используя в своей работе методы имитационного моделирования, Ослик сформулировал указанное противоречие (между собой и Богом) так: «Модель оказалась недостаточно верифицированной». «Любовная зависимость, – писал он, – столь же неоднозначна, как и любая сложная система. Это, несомненно, многоуровневая сеть, стандартизованная в терминах матушки природы и, ясное дело, нуждающаяся в регулярном тестировании. Думаю, что тестировать её надо на каждом этапе проекта и в особенности на начальных стадиях».

Именно начальному проектированию Ослик уделял особое внимание. Унизившись донельзя, он больше не хотел повторения опыта, подобного опыту с Эльвирой.

По сути, это и была формально заявленная цель Осликовой диссертации: любить в своё удовольствие и без унижения сторон. На первый взгляд довольно наивная цель. Весьма самонадеянная и дилетантская. «Но мы же все дилетанты, – заметил как-то Барнс в „Нечего бояться“, – любители в

том, что касается наших жизней». По мнению Лобачёвой (а Генри ценил её мнение и прислушивался к её мыслям) Джулиан Барнс в этой книге превзошёл сам себя. «Как ни в одном другом своём романе, – подчёркивала Наташа, – Барнс в „Нечего бояться“ не стесняется быть несведущим, наивным и даже смешным».

Вот и Ослик, нагретый на обидах, решил чуть поправить божий промысел. Сформулировав цель, он проделал недюжинную работу и выяснил: а как вообще обстоят дела с этой самой любовью и унижением?

В списке использованных источников у Генри значились античные мыслители, с десяток философских работ, около полусотни художественных романов, исторические труды, научная литература, различная периодика и блоги (включая блоги Виктора Шендеровича, Валерии Новодворской, Сергея Пархоменко и Евгении Альбац – любимых на тот момент Осликовых персонажей).

Чего-чего, а любви и унижения там хватало.

Дела же обстояли так: философы, писатели и блогеры топтались на месте. Философы демонстрировали упадничество, писатели отрабатывали издательский аванс (и развлекались «жизненными» историями), а блогеры большей частью проклинали на чём свет стоит авторитарный российский режим, и на этом всё. Нет, конечно, приятно иногда и послушать, и почитать, но Ослик хотел другого. Он мечтал о реальном механизме достижения цели, и не для всего человечества,

а хотя бы для себя самого. Человечество было бы слишком неподъёмным грузом, рассуждал Генри (этот без пяти минут даун, если верить военным медикам), не только для ослика, но и для лошади, и для верблюда.

Итак, любить в своё удовольствие и без унижения сторон.

Насчёт удовольствия всё было более-менее ясно, но что касается унижения, Ослик терялся: ведь и унижение может быть в радость. Взять хотя бы мазохистов или тот же электорат «Единой России», к примеру. Да что там электорат, — сюда можно отнести целые страны и даже религии (взять хотя бы Северную Корею, Китай и мусульман с христианами).

Тем не менее в своей диссертации Генри довольно подробно рассмотрел и удовольствие, и унижение. В отдельной главе Ослик связал оба процесса и тщательнейшим образом структурировал механизм любви. Механизм получился итерационным и основанным на повторении одного и того же: сначала ты влюбляешься, получаешь удовольствие, тебя кидают, ты унижаешься, испытываешь дискомфорт (но тебе всё равно хорошо), затем задумываешься и делаешь выводы. В следующий раз цикл повторяется, твои выводы становятся всё более осмысленными и т. д.

В какой-то момент человек понимает, что унижение не доставляет ему прежней радости и переключается на любопытство. Он без разбору читает книжки, западает на любимых авторов, а впоследствии пишет сам. Вдобавок к пись-

му он сочиняет музыку, занимается «лепниной» и увлекается живописью. Унижение кристаллизуется до вымысла. Он снова влюбляется, и – надо же! – расставание на этот раз происходит гораздо менее болезненно, а там и вовсе без боли и даже с радостью.

«С любовью непросто, – пишет Ослик в выводах к заключительной главе. – Любовь подобна правозащитной деятельности, а влюблённые – что НКО (некоммерческая организация), финансируемая Иисусом Христом: в любой момент НКО могут закрыть и отлучить от церкви».

«Так что, молитесь», – иронизирует он в конце, предвидя массовые гонения НКО в середине десятых. (В результате проверок будут ликвидированы тысячи «иностранных агентов» по всей России, включая совершенно безобидные, занимающиеся благотворительной и просветительской деятельностью.)

Сильное влияние на Осликову работу в то время оказали его любимые писатели (в особенности Милан Кундера, Мишель Уэльбек и Курт Воннегут), а также русский издатель и журналист Сергей Пархоменко. Генри заслушивался его передачей «Суть событий» на «Эхе Москвы» и внимательно следил за судьбой так называемого «Координационного совета оппозиции» (КС), в котором Пархоменко состоял и о котором регулярно рассказывал.

Что-то было общее между этим Советом и Осликовым «механизмом любви». В любом случае тут было над чем по-

думать. По словам Сергея Пархоменко, КС не руководил армией. «Да и можно ли руководить любовью?» – соглашался Ослик. «Прежде всего это место для дискуссий, – объяснял блогер. – Процедура для отладки взаимодействия различных точек зрения».

Вероятно, в этом и было сходство.

«Любовь ведь тоже взаимодействие, – размышлял Генри, – а риск унижения тем выше, чем ниже уровень подготовленности партнёров». Разработанный им механизм как раз и представлял собой основу здравомыслия в миниатюре. КС же замысливался как попытка построить максимально приближённую к реальности модель демократии в России. Во всяком случае, Ослик понял Сергея Пархоменко именно так. Более того, модель КС была в своём роде прототипом здравомыслия и при случае могла быть реализована на практике.

При случае? А предвиделся ли вообще этот случай в современной России? Безусловно предвиделся. «Лошадь всё равно содохнет» – Ослик не раз возвращался к этой метафоре Виктора Шендеровича по поводу авторитарного правления в РФ. Тут так: или ты готов к любви (к демократии в классическом представлении), или не готов, и тогда держись. Держись или нет, но Ослик надеялся на положительный исход. Он детально описал свою схему и даже проиллюстрировал её в разделе «Пример реализации».

«Представьте себе, – писал он, – вы галапагосский пинг-

вин. – Вы ничего не знаете ни о Галапагосах (вашей родине), ни о Чарльзе Дарвине (механизме вашей эволюции). И родина, и будущее ваших потомков вам совершенно пофигу. Единственное, на что вы рассчитываете, – это съесть скумбрию, неосторожно приплывшую к скалистым берегам».

Совсем ещё юный и полный пассионарного драйва Ослик. Его пингвин ел скумбрию, выбирал подходящую для соития самку, спаривался с ней, а затем снова ел скумбрию. Пингвин как пингвин. Ослик внимательно проанализировал его жизненный цикл и заметил одну деталь. Довольно часто в борьбе за любимую пингвины-самцы ранят друг друга, и тогда – вид у проигравшего весьма обиженный. «Кажется даже, что пингвин унижен, – делится своими наблюдениями Генри, – но нет: уже через минуту он весело подпрыгивает, играет с другими пингвинами и ест скумбрию».

Таким образом, любовные переживания пингвина обходятся без унижения и приносят существенно больше удовольствия, чем боли. Ослик не исключал также, что и схватка, и обиженный вид пингвина являются лишь комедийной постановкой (на радость остальным птицам).

Человек тоже ест скумбрию, выбирает самку, дерётся за неё и проигрывает. Дальше, вместо того чтобы улыбнуться и весело подпрыгнуть, он переживает болезненный цикл унижения, ожидая от подруги сам не зная чего. Утешения, что ли, поддержки, разумных объяснений. К примеру: «Генри,

вы прекрасный пингвин, но происшествие с вашей мамой заставляет усомниться – может и вы такой же?»

Может. «Но что не так с человеком? – вопрошает Генри, и тут же отвечает: – Вероятно всё дело в сознании. Во всяком случае, – продолжает он, – граница между животным и Homo sapiens пролегает именно здесь. Сознание же – продукт высшей нервной системы, присущей лишь человеку, а значит, и проблему унижения следует рассматривать как следствие низкого интеллекта особи (включая эмоциональный интеллект)».

С конкретной особью всегда проблемы.

Как видим, дельта, отличающая человека от пингвина – довольно сложная система воспитания, знаний и опыта, а не просто жест. «Жест доброй воли», – смеялся Ослик, где-то внутри понимая, что его ожидает непростое будущее. В конце работы он сравнивает пингвина с населением диктаторских стран. Этих пингвинов унижай сколько хочешь – они всё равно подпрыгивают от счастья.

Такой была в общих чертах Осликова диссертация. Без сомнения, незрелая и полная банальных рассуждений. Вместе с тем это была вполне безобидная (с позиций здравомыслия) работа, но крайне опасная (и даже экстремистская) – с точки зрения единоклассников из ВПК (военно-промышленный комплекс). Да и как вообще этот «комплекс» может ужиться с любовью в человеческом понимании? По заявлениям воен-

ных, Генри могла спасти лишь интенсивная терапия в клинике на Мосфильмовской. И то не факт.

В действительности, Осликово руководство надеялось избавиться от него навсегда, как, к примеру, руководство России избавилось от лидеров оппозиции после широких протестов в середине десятых. Какая-то часть из них уехала из страны, другие испугались (и вернулись к жизни пингвинов), а остальных репрессировали. В том числе, по тюрьмам отправившись и фигуранты так называемого «сладкого дела» – арестованные на проспекте Сахарова манифестанты и сочувствующие им блогеры (всего около тысячи человек). Суд над ними был фактически первым после сталинских репрессий столь массовым политическим процессом.

Получив убежище в Великобритании, Ослик то и дело оглядывался – а не преследует ли его кто? Что ни день, он ожидал трагической развязки наподобие загадочной смерти Бориса Березовского, которого считал своим другом и искренне сочувствовал ему. Развязки, однако, не было, и, постепенно отодвинув страхи, он вернулся к повседневным делам.

Более того, к 2018 году, закончив работу над бельгийским андроидом и определившись понемногу со своим будущим, Ослик испытал чуть ли не творческий бум. Идея регулярного возвращения в Россию (в метафорическую «Бутырку») вызывала в нём если не интеллектуальный, то во всяком слу-

чае эмоциональный подъём.

Вспоминая же пресловутую диссертацию, он хоть и усмеялся своей тогдашней наивности, но и обманывать себя не хотел: не было бы Додж – не было бы и работы. Вряд ли его любопытство пошло бы дальше госзаказа и торговли оружием (оборонный центр на том и держался). А так он словно приподнялся над обыденностью. Иными словами, Ослик благодарил Господа, что повстречал Эльвиру, пусть даже и натерпелся от своей любви к ней.

Добавим к этому и чисто практический результат. Ведь как ни странно, уже в ту пору, разрабатывая свои идеи, Ослик подсознательно искал альтернативу «ослиной» участи. Иначе говоря, он хотел понять логическую связь между любовью и устройством мира. Если разобраться, его интересовала не столько поверхностная, сколько глубинная связь – связь на уровне атомов и естественных законов природы.

Именно тогда Ослик увлёкся физикой, математикой и астрономией, а чуть позже философией, литературой и живописью. По-настоящему увлечьшись наукой и искусством, он переосмыслил, в частности, современный взгляд на свободу воли, гипотезу Римана, принципы гравитации и общую теорию относительности Эйнштейна. Его заинтересовал также замысел Эйнштейна (так и не осуществлённый) о некоей глобальной теории, объясняющей всё (в том числе связь квантовой физики с законами Вселенной и религией).

Так что Ослик не без основания считал свою диссертацию той самой книгой, которая, согласно Ницше, написана нами самими и многому учит. По крайней мере, эта книга научила его думать и предопределила Осликову цель. Вполне конструктивная позиция учёного (и в значительной степени романтика) из Ширнесского университета.

Генри по-прежнему работал в подсобке для подопытных животных, то и дело поглядывая на печальную крысу с умными глазами и спасаясь письмом к самому себе же. Бегущая строка в компьютере показывала дату, день недели и время: «12.10.2018, пятница, 21:06».

III. Ингрид Ренар (15.03.2036, суббота)

Ингрид уснула только под утро. Она допоздна возилась со своими мыслями, рассматривая Осликовы рисунки и дочитывая вторую главу его рукописи. Около трёх Ренар сварила кофе и выглянула в окно. Там шёл снег. Victoria Street светилась огнями. Зима в последние годы то и дело затягивалась. Снег падал, искрясь у фонарей сказочными галактиками, будто иллюстрируя в миниатюре Большой взрыв с миллиардами мерцающих звёзд.

Звёзды? С чего она вдруг подумала о звёздах? В небе над городом давно уже не показывались звёзды. Как будто их и не было. Как будто гигантский галактический механизм свернулся до миниатюры с фонарём и снегом. Зато к Земле приближался Апофис и сводки об астероиде шли одна за другой. С учётом затянутого неба положение простых лондонцев напоминало гравитацию Эйнштейна: все знали, но никто видел (все знали, что тела притягиваются, но то, как искривляется под ними пространство, оставалось невидимым). Расчётной датой столкновения с астероидом было по-прежнему 13 апреля. У Ингрид на всё про всё оставалось меньше месяца.

Странное дело. Только теперь (в связи с приближением астероида) Ингрид вдруг поняла, что у неё нет плана. У неё

никогда его не было, разве что планы на любовь в далёком детстве, едва подкреплённые действительностью. Пройдя же этапы взросления и набравшись опыта, она и вовсе опустила руки. Честно сказать, Ренар давно уже ничего не хотела. «На всё про всё» при её теперешних мозгах означало (подобно «Гардиан») «Спасибо, до свидания».

На рассвете позвонила Энди Хайрс – её давняя подруга и «консультант по Восточному блоку», как та в шутку называла себя. Энди тоже работала в Tate Modern. Такая же одинокая, без плана и без «на всё про всё». Как выяснилось, Энди получила приглашение посетить выставку «Авангардных решений» в Манадо (Индонезия, остров Сулавеси).

Avant-gardes Solution был довольно известным проектом соединяющим в себе новые технологии и искусство. Поначалу, как и Tate Gallery, выставку на Сулавеси спонсировал фонд Пола Хэмлина, но в последние год или два «Решениями» занималась группа Club of Virtual Implication, базирующаяся на островах Гилберта в Микронезии (Республика Кирибати).

Вообще говоря, влияние этой группы выражалось не только в спонсорских деньгах, но также в самой концепции и предлагаемых образах. На сегодня Club of Virtual Implication считались едва ли не самым продвинутым футуристическим предприятием на стыке арта и ноу-хау. Ингрид много слышала о них и с удовольствием посмотрела бы, но нет. Не сейчас.

– Ты придумала, чем заняться? – спросила Энди (читай: а не поехать ли нам вместе, вдруг эта штука и вправду свалится?).

– Само придумалось, – ответила Ингрид и рассказала про Ослика.

Его рукопись, картины и вообще вся эта «посылка» увлекли её. Более того, «посылка» казалась вполне закономерной и словно предопределяла её будущее.

– Остаток будущего, – засмеялась Энди. – весьма непродолжительный его интервал. Ты смотришь ВВС?

Нет, ВВС она не смотрела. Ингрид вообще ничего не смотрела, а вся эта шумиха с астероидом лишь бесила её. Люди толпами ломались в церкви, кафе и аэропорты, будто и в самом деле рассчитывали спастись или на худой конец куда-нибудь улететь. Не зря туристические компании все эти годы так старались. Приобретя необходимый рефлекс («Улетай!» – слоган British Tours, «Чего ждёшь?» – турфирма «Нева» и т. д.), обыватель и вправду улетал. А тем более улетал, если что случись.

«Интересно, Ослик тоже улетит? – подумала Ингрид. – И если улетит, то куда, и вернётся ли он? По идее должен вернуться», – Ренар взглянула на ксерокопии Осликовых картин и рукопись, ведь, судя по замыслу его работы, Генри намерен как раз возвращаться.

Энди тем временем прощалась. Вечером у неё самолёт.

– Хочешь, проводи меня? – предложила она.

Нет, Ингрид не хотела: придётся возвращаться, а возвращаться всегда непросто. Как бы то ни было, уезжаешь с надеждой, а возвращаешься без неё. По сути, в этом и состоял на сегодня главный вопрос к Ослику, а заодно и к его итерации. Теоретически всё было просто, рассуждала Ингрид. уехал-вернулся, уехал-вернулся. Другое дело – сбежать из Бутырки в реальности, а затем (в реальности же) снова и снова возвращаться туда. Не говоря уже об астероиде.

Ожидание астероида угнетало.

В каком-то смысле это угнетающее состояние напоминало Восточный блок с его авторитарной прытью: люди там и поныне жили «вприпляску», что называется. Пингвины, одним словом (прав был Ослик). Впрочем, и тут к Генри был вопрос. Мягко говоря, Осликова «Модель крокодила» выглядела не совсем убедительной.

Во всяком случае, она не убеждала Ингрид, и вот почему. Восточный блок и Западная Европа пережили в своё время примерно одни и те же страхи: инквизиция, голод, болезни, войны и т. п. Исходя из этого восточные и западные европейцы к середине века должны были бы находиться в более-менее равном положении. На поверку же дела обстояли так: русские (с друзьями) давно и безнадежно бедствовали (униженные, но радостные пингвины), а Запад, хоть и не без трудностей, всё ж таки развивался (крокодил, испытывающий тоску по разнообразию еды, печальный от недостатка

тиамина, но полный надежд на выздоровление).

«Тут, верно, или Ослик не доработал, – рассуждала Ингрид, – или она торопится» (из двух глав разве поймёшь, что к чему?). К тому же было не совсем ясно, в какой мере «Модель крокодила» справедлива для сообществ. «Одно дело пингвин, – не унималась она, – другое – сто миллионов пингвинов. Мало ли как поведёт себя их коллективное сознание?»

А вот история с Додж её вдохновляла: не всякий ослик способен на столь сумасшедшую диссертацию. В глубине души Ингрид завидовала Эльвире, мечтая о подобной любви – совершенно безумной и возвышенной.

Рукопись пестрила заметками на полях, выдавая в Ослике незаурядную личность, и что интересно – содержала множество миниатюрных рисунков зверей. Зоопарк какой-то. Да и как не быть этому зоопарку? Ингрид вообще считала, что человек зазнался, уверовав в свои преимущества над животными. Есть, конечно, отличия, но вряд ли этого достаточно, да и рано ещё. Иными словами, человек мог бы стать человеком, но пока не стал. Она, её подруга Энди и Ослик, к примеру, были зайцы-русаки. Население Восточного блока – пингины, а Эльвира Додж – крокодил.

С такими мыслями Ренар и уснула, опустив напоследок жалюзи и прочитав молитву директора выставки современ-

ной живописи: «Lord, draw me happiness with a flat brush in tune of Claude Monet and impressive to tears, Amen» («Господи, нарисуй мне счастье плоской кистью в духе Клода Моне и впечатляющую до слёз, аминь»).

Словно в благодарность за молитву ей приснились ослик, крокодил и галапагосский пингвин. Друзья сидели у моря и смотрели вдаль. В некотором отдалении от них в кустах ежевики пряталась зайчиха с зайчатами. Зайцы тряслись от страха, в чистом небе проступал устрашающий барельеф Сталина, а на горизонте вставало солнце, предвосхищая новый день.

В этот момент Ингрид проснулась. Картина (как Ренар и просила) была выполнена в импрессионистском стиле. Писали явно плоской кистью, с обилием красок и света. Часы показывали 13:06.

Ренар потянулась и взглянула на свои руки: тонкие запястья, красивые пальцы и серебряное кольцо с буквой «i» и миниатюрным бриллиантом в точке. Пospала так поспала. И что она молилась? С другой стороны, сон вполне соответствовал её мыслям, так что вряд ли это проделки Иисуса Христа. Да и картина была вполне «Avant-gardes Solution» – добавь туда с десяток пропеллеров над водной гладью или, к примеру, платформу с ракетой, отправляющейся в космос.

Ещё немного повалевшись в постели, Ингрид наконец встала и набрала в телефоне Ширнесский университет. Как она и ожидала, трубку взял Олдос (мученик за науку, поду-

малось ей). Генри не врал – действительно Олдос.

– Слушаю, Олдос Луазье, Ширнесский университет, – ответил Олдос.

– Здравствуйте, Олдос. Ингрид Ренар, галерея Tate Modern, – представилась она. – Мне нужен профессор Ослик. Могу ли я услышать его?

– Здравствуйте, Ингрид. К сожалению, нет. Профессор будет после выходных. Хотите, могу дать его мобильный номер.

– Хочу, а он как?

– Что как?

– Генри в порядке?

Олдос задумался. В трубке отчётливо слышались новости ВВС. Диктор взахлёб рассказывал о насилии и зверствах.

«За последние сутки сфабриковано не менее сотни уголовных дел на „врагов народа“ и правозащитников, – вещал беспокойный голос. – Восточный блок в своём амплуа. Евро-союз и Британия закрывают границу. Сербская армия вторглась в Косово. В Черногории взорваны склады с оружием. Болгария и Молдова объявили о выходе из ЕС и о присоединении к России. На всей территории Блока прекращены операции с банковскими картами западных агентов. В РФ зарегистрирован рекордный рост ВВП за счёт ископаемых, примерно вдвое возросла добыча нефти и газа, взяты под охрану месторождения, карьеры и шахты. В Абхазии, Украине и Бе-

ларуси наблюдается небывалый всплеск насилия в отношении атеистов, частных СМИ и писателей-педофилов. В Таджикистане пролился дождь. Радиоактивный дождь», – добавил диктор, и так далее.

Объединённая Европа переживала очередной виток принципиальных решений. Страны, не справившиеся с модернизацией экономики, одна за другой покидали ЕС и присоединялись к Восточному блоку во главе с Россией. Русский «локомотив» по-прежнему работал на ископаемом сырье, ресурсов пока хватало, что в значительной степени облегчало и положение граждан. За ту же зарплату, что и в Европе, они трудились существенно меньше, да и требования к ним были простые: пришёл на работу, подрочил – и домой. В сущности, от них требовалось лишь одно: любить свою родину и ненавидеть Запад.

– В своём ли уме профессор? – переспросил Олдос Луазье в задумчивости и, чуть помедлив, ответил: «Вряд ли». – Вряд ли, – повторил он, – но это лишь моё мнение. В последнее время Ослик и впрямь выглядит не очень.

– Что ж, спасибо.

Записав Осликов номер, Ингрид попрощалась с Олдосом и сложила трубку. Этот «мученик за науку» вызвал у нее прилив нежности. Добрый человек. Старый, услужливый друг. Чуть трусоват, но в случае чего он несомненно придёт на выручку, а если повезёт, то и вправду поможет. Нечто

среднее между крокодиллом и галапагосским пингвином. Олдос ел скумбрию, шугался других пингвинов, но и чуял их за версту. Из кармана у него высовывались «Бувар и Пекюше» Флобера, а в наушниках играла «Буря» Людвиг ван Бетховена.

И вновь воображение. С её воображением одна беда. Взять хотя бы «Бурю» (Соната для фортепиано № 17) – Олдос, верно, и знать не ведал этой сонаты, а если и ведал, то уж точно не стал бы слушать её всуе. Ингрид явно не хватало приземлённости, что в конечном итоге портило и собственную карьеру, и личную жизнь.

Сварив яйцо и сосиску, она позавтракала.

Из головы не выходила крольчиха с крольчатами. С одной стороны, те казались ей обиженными на весь мир, с другой – вся эта социалистическая идея (с равенством и братством) представлялась Ингрид издевательски лицемерной. Иными словами, крольчиха хоть и устала от «братства», но по уму жить не хотела. Набираться знаний, к примеру, читать Флобера, посещать выставку «Авангардных решений» в Манадо, а то и купаться в Сулавеси – на радость себе и своим крольчатам.

«Манадо – главный город северной части острова Сулавеси, – нашла Ренар в справочнике для скаутов. – Некогда через это место пролегла оживлённая торговля с соседними

Филиппинами. Сейчас Манадо – известнейший центр туризма и передовых технологий. Научные подразделения, включая центр молекулярных исследований, институт прикладной физики и выставочный комплекс, расположены на востоке города и протянулись вплоть до северной оконечности острова. Туристический бизнес сосредоточен в южной части и у набережной. Пляжи Манадо покрыты черным вулканическим песком».

Что ещё за песок? – удивилась Ингрид.

Хотя, без разницы. В любом случае, не сомневалась она, Энди Хайрс не зря уехала в Манадо, и, в отличие от крольчихи с крольчатами из её сна, прекрасно проведёт там время.

Около трёх она позвонила Ослику, но без толку. Телефон профессора был выключен или находился вне зоны связи. Оператор вежливо извинилась: «Оставьте сообщение». Спасибо, не надо – Ингрид не любила голосовой почты. Текст там имеет совсем другой тон, да и ход мысли какой-то непривычный, как будто думаешь наизнанку. Чуть позже она повторила набор, затем снова, и всякий раз натыкалась на вежливость робота.

В перерывах между звонками Ингрид изучала по Интернету Сулавеси. Особенно ей приглянулся так называемый «Национальный морской парк Бунакен-Манадо Туа». Площадь парка составляла 89 тысяч гектаров, 97 % из которых приходилось на прибрежные воды и лишь 3 % на сушу (ко-

ралловые острова Бунакен, Силаден, Монтеаге, Найн и вулканический остров Манадо Туа с потухшим вулканом). Оказалось, что этот регион Индонезии как раз и славится своими кораллами и в частности **коралловыми стенами**, которые опускаются на глубину до 1300 метров – с удивительным ландшафтом и подводными пещерами.

Остаток дня Ингрид провела за компьютером, а на ночь глядя прогулялась по Vauxhall Bridge Road к Темзе (река завораживала её). Вернувшись домой, она в который раз уже просмотрела рисунки Ослика, открыла его рукопись и взялась за следующую главу.

IV. Мысленное возвращение

*По безнадежности все попытки воскресить
прошлое похожи на старания постичь смысл
жизни.*

(Иосиф Бродский, «Меньше единицы»)

Подобно Ингрид Ренар вернёмся и мы. Но не домой, а в 12 октября 2018 года (пятница, 21:06, Ширнесский университет, подсобка для животных и крыса, наблюдающая за Генри). Распечатав своё письмо (письмо к самому себе же) под названием «Собственная книга», Ослик засобирался прочь. Опыт эмигранта, «Модель крокодила» и «Додж, королева Иудеи» вызвали в нём острейшую боль по переменам.

Олдос то и дело стучался к нему, а он никак не мог выйти. В сущности Ослик пережил творческий обморок – необыкновенно приятное и давно позабытое состояние полёта мысли. Он вышел на улицу и с минуту постоял под дождём, раздумывая, нужна ли ему машина или нет. Его Audi (серебристая Audi TT Coupe) стояла под навесом у старого кампуса и словно вопрошала всем своим видом, переливаясь бликами от фонарей: «Так мы поедем?»

Вот и ещё одна «гипотеза Римана».

Ослик, безусловно, знал ответ («Поедем»), но доказать его или опровергнуть не мог. Гипотеза, сформулированная Бернхардом Риманом в 1859 году, как известно, предпола-

гает существование некой закономерности в распределении простых чисел. Казус же состоит в следующем: современная математика и её приложения (в частности криптография) основаны как раз на обратном – закономерности нет (и быть не может). Найдись такая закономерность, Генри (как и многие его коллеги-учёные) остался бы без работы, а вопрос Audi («Так мы поедем?») и не возник бы.

Между тем, вопрос о поездке представлялся Ослику весьма важным. Не исключено, что здесь и пролегает линия равновесия («критическая линия» по Риману): чистая неопределённость, утвердившаяся как постулат. Поедь он, не поедь – событие можно списать на случай, но обоснуй он решение, придётся отвечать, а заодно и корить себя, если что не так.

То же касается и всеобщего устройства, разве нет? Любое принципиальное открытие (доказательство чего-либо) зачастую ставит под сомнение предыдущее. (Преемственность открытий – вещь в себе.) Отсюда и хрупкий баланс разумного. Библия – не учебник по физике, Галилей обманулся с приливами (отвергнув действие Луны), а квантовая физика существенно пошатнула уверенность Эйнштейна в глобальном порядке («Бог не играет в кости»).

«Бог не играл бы в кости, если бы он был», – словно оппонировал выдающемуся физику Ослик, неспешно направляясь к старому кампусу за своей Audi. Он основательно промок, но ощущал себя вполне счастливым и всё складывал мысли по дырявым карманам Levis 508.

Уже через минуту структура этих мыслей начнёт меняться. К ночи добрая половина из них покажется Ослику затасканной, а наутро и вовсе – от прежних суждений останется лишь былая любовь. Однако ж Генри и здесь находил подтверждение своей догадки о равновесии гипотезы и теоремы, не говоря уже о любви. Любовь по его убеждению как раз и происходила из нечётких образов, преимущественно ничем не подтверждённых.

В машине Ослик согрелся, выключил телефон и осторожно выехал за ворота. У моря он притормозил – послушать прибой и как стучит дождь (то затихая, то с силой ударяясь о стекло). Стекло у Audi крепкое, впрочем и Ослика дождём не проймёшь – Ослик любил дождь. Он не носил с собой зонта и всякий раз чуть ли не с радостью мок под дождём.

Что ж, пора.

Генри развернул машину, поставил в плеере This Town Needs Guns и, миновав королевскую (в прошлом) верфь и предприятие Sheerness Steel (переработка лома), направился в Лондон. Будь что будет – Ослик устал от Шеппи. Остров хоть и нравился ему (взять, к примеру, дождь как сегодня или море), но всё ж таки время от времени надоедал. Хотелось большего.

Лондон? В Лондоне его привлекали шум города, огни, метро, ну и конечно галерея Tate Modern у Темзы. Уже один вид этой старинной электростанции придавал Ослику

вдохновения. Генри не раз бывал там, а в кафе напротив, у Vauxhall, мог часами сидеть, размышляя о том, о сём, записывая события и сочиняя утопические рассказы.

В сущности, эти поездки в Лондон стали неотъемлемой частью его эмиграции (включая внутреннюю эмиграцию). Работа в Ширнесе и вид на Tate Modern – вот две составляющих его блужданий по закоулкам мозга. Именно здесь располагались Осликовы «Галапагосы», его вымысел, реальность и в конечном итоге здесь проходила его эволюция.

Около одиннадцати вечера он проехал Морской музей и станцию New Cross Gate. В зеркале справа мелькнула бездомная собака, и тут Генри внезапно припомнил «Марка Марронье» и «Собаку Софи» – его друзей по психиатрической клинике в Москве. Словно почуяв прилив ностальгии, он сбавил скорость и сменил пластинку: вместо новой работы This Town Needs Guns Ослик включил их старый альбом «Animals» (2008) – не то чтобы теорема, но уже и не гипотеза.

В психиатрической клинике Ослик сдружился с несколькими другими «больными». Как и он сам, его новые друзья отбывали здесь пожизненное заключение. Иначе говоря, их всех лечили от свободомыслия, но поскольку болезнь была неизлечимой, то никто из больных и не рассчитывал выйти отсюда.

Особенно трогательные отношения у него сложились с

Марком и Таней Лунгу. Совсем ещё молодые люди – они втайне от родителей поженились и сбежали из дому, забросив учёбу. Через год Лунгу нашлись на Каймановых островах, где их схватили, отправили назад в Москву, а здесь, недолго думая, на Мосфильмовскую. Марк и Таня называли себя «Марком Марронье» и «Собакой Софи». «Добрые глаза у собаки ещё не означают, что и собака добрая», – любила повторять Софи, указывая на персонал клиники, – будь то доктор или медсестра с голубыми глазами.

Ослик быстро привязался к ним. По сути, Марк и Софи были последними людьми из его прежней жизни. Приличными людьми, не сомневался Генри, а Софи и вовсе чудо. Собака Софи с первой же встречи заворожила его. Можно сказать, он влюбился в эту «Собаку», и тогда же вдруг понял, как непредсказуемо влечение. Эльвира Додж немедленно померкла. Образ её поутих, а любовь к ней вызвала множество вопросов – новых и отчасти унижительных (молодой Ослик переживал уколы совести).

В дурдоме особенно не разгуляешься, но даже и так – с Марком и Софи – его заключение существенно облегчалось. Они дурачились, воображали себя на свободе, тайком занимались сексом и много болтали, устроившись на веранде, у окна в туалете или в приёмном покое по выходным. Ослик не раз предлагал им бежать, но те не хотели. А что они вообще хотели? Тут как с собакой у подземки (увидишь такую – и всё думаешь о ней): Собака Софи завидела Марка и влю-

билась, а Марк завидел её и тоже запал.

Сбежав-таки и кое-как устроившись в Лондоне (сначала дворником, а позже продавцом в магазине Клода Вулдриджа), Ослик без устали порывался спасти друзей, но дело оказалось непростое. В русском посольстве ему отказали («Спасибо, до свидания»), а британские службы образно выражаясь, «ебали Муму».

Муму? Кафе «Му-Му» в Москве (а не драматическая участь собаки из повести Ивана Тургенева) – вот первое, о чём подумал Ослик, грязно выругавшись абзацем выше, что и не удивительно. Сеть общепита «Му-Му» он помнил как нельзя лучше. Ослик регулярно ходил туда помочиться, а в «Му-Му» у Алексеевской – чуть ли не каждую субботу и воскресенье. Он возвращался из центра, доезжал до «М-Видео», дальше следовали – Johnny Green Pub, туалеты «Му-Му», платформа Маленковская и Анадырский проезд, где Генри снимал квартиру с видом на поезда.

Относительно британских служб: службы что надо. В основном там работали вдумчивые, участливые люди. Они с воодушевлением помогали любому, кто нуждался в помощи. Помогли бы и Марку с Софи, приведи Ослик хоть одно доказательство насилия в отношении друзей. На беду, таких доказательств не нашлось. К тому же британцы получили два весьма убедительных документа: просьбу родителей Марка и Татьяны Лунгу о принудительном лечении детей, а также со-

гласие самих детей на такое лечение. Иначе говоря, пострадавших не было. А раз не было пострадавших, то получалось, что и спасать никого не надо. Как ни старался Ослик ничего не добился.

– С русскими детьми лучше не связываться, – объяснили ему британские дипломаты. – Скользкая тема, Генри, давайте подождём.

– Давайте, – ответил Генри, а чего ждать – и сам не понял.

Вероятно, люди из Foreign Office (неофициальное название МИД Великобритании) имели в виду шумиху, поднятую в России вокруг прав ребёнка. Суть сводилась к следующему: не трожьте наших детей, сами разберёмся. Для начала они запретили их усыновление в США, затем принялись выискивать по всему миру уже усыновлённых, но якобы обиженных. Кое-что найдя (как не найти – с детьми всегда непросто, а с русскими тем более), РФ устроила истерику, завалила суды исками и принялась за «воспитание» уже самих детей.

«Воспитание» очень быстро свелось к запретам, подразумеваемая прежде всего «тлетворное влияние Запада» (из советской терминологии). Досталось всем, и ладно бы гомосексуалисты (их приравнивали к педофилам), были запрещены даже безобидные мультики, детские книжки и спектакли.

Так что с русскими детьми и вправду лучше не связываться. Между тем, их положение в родной стране из года в год

становилось всё хуже. Ослик не поленился и кое-что загуглил.

Так, к примеру, в России ежегодно убивали от 1500 до 1700 детей, из них не менее тысячи были убиты собственными родителями. В 2010 году в России убито 1684 несовершеннолетних, в 2011-м – 1761. Со слов премьер-министра РФ, за девять месяцев 2012 года в России убито 1292 ребенка. За тот же период около 11 тысяч детей пропали без вести. Их оставляли замерзать на улице, насиловали, морили голодом и выкидывали в мусорку. По данным Следственного комитета в 2011 году зафиксировано 7179 преступлений против детей, а уже за 6 месяцев 2012-го – 10 509. Дети для русских – обуза, убеждался Ослик, зато прекрасный повод выяснить отношения с Западом.

Но и это не всё. По сведениям правозащитных организаций в РФ ежегодно появляется примерно 120 тысяч новых сирот. В интернатах перебивается около 600 тысяч, а беспризорников в России сегодня столько же, сколько их было во время Гражданской войны (сто лет назад).

Что касается нападок на США, то, как выяснилось, там принципиально не держат детских домов, справедливо считая их унижительными для человека, да и вероятность погибнуть от рук родителей в США существенно ниже, чем в России. Так согласно отчёту Euronews от 28.12.2012, с 1993 по 2008 годы (за 15 лет) в России усыновили 140 тысяч сирот, из них погибло 1220. За это же время американцами было

усыновлено 60 тысяч, погибло лишь 19. Почувствуйте разницу.

В конце 2014-го, уже переехав в Лондон и покрутившись там, Ослик вдруг осознал, как же повезло ему, что удалось сбежать. После года с лишним, проведённых в клинике на Мосфильмовской, Генри окончательно возненавидел русский режим и утратил всякую веру в его справедливость. Тогда-то он и сочинил свой первый рассказ под названием «Спасибо, приходите ещё».

Спасибо, приходите ещё

По сюжету, его возлюбленная Собака Софи, узнав, что Генри упекли в дурдом, приезжает к Берниковской набережной, залазит на мост у клуба «Культ» и прыгает в Язу, намереваясь покончить с собой. Её спасают, отправляют на лечение в госпиталь Склифосовского, она выходит оттуда, а на следующий день снова бросается в Язу.

Так продолжается какое-то время, а дальше Софи теряет страховой медицинский полис. Всякий раз за своё спасение она платит наличными, пока однажды лечащий доктор не говорит ей: «Спасибо, приходите ещё». Тут-то Собака и понимает: прыгай не прыгай – всё без толку. Её акция выродилась до китча. К этому китчу все попривыкли, а её Ослик как сидел в больнице, так оставался там по сей день. Един-

ственное, чему она научилась, – плавать. Она прыгала с высоты в мутную реку, опускалась на дно и дразнила тамошних крокодилов. «Видишь, – обращались к ней крокодилы, – как здесь красиво?» Да, она видела.

Её спасали, и всё повторялось сначала.

Рассказ вышел страниц на десять. Ослик понимал, что рассказ так себе, но дело в другом. Сочиняя, он будто воссоздавал новую реальность. Генри мысленно возвращался назад, что по сути (как и у Бродского) было попыткой постичь смысл жизни.

Тогда же он затеял переписку с Таней Лунгу. Письма провались ФСБ, шли долго, но худо-бедно шли. Собака Софи всё чаще жаловалась на Марка. Похоже, тот и в самом деле заболел психическим расстройством. Он страдал галлюцинациями, приобрёл нескритичность к себе и даже кидался на Софи, намереваясь «разобраться» с нею (выяснить отношения с Западом).

«Лунгу совсем дурачок стал (тлетворное влияние), – написала она как-то Ослику, – разве что слюни не текут. Вот я и группирую мысли». На что Ослик ответил довольно невнятными рассуждениями о неизбежной умственной деградации её соотечественников вообще (а не только Лунгу).

«Не знаю, Собака, читала ли ты „Сказки дядюшки Римуса“, – писал Генри. – Это такая, в своём роде, правда жиз-

ни для детей: умом и хитростью можно достичь любой цели. Особенно хороши там братец Опоссум и братец Енот. Впрочем, все тамошние братцы хороши: и те, которые применяют хитрость для корысти, и те, которые просто дурачатся, ну и конечно, те, которых регулярно разводят и те, и другие.

Что интересно: никого из них не жаль, никто не вызывает нежного трепета или неприязни. „Братцы как братцы“, – думает ребёнок и, таким образом подсознательно готовит себя к конкурентной борьбе. Чуть позже ему объяснят некоторые правила т. н. честной конкуренции – и дело сделано: братец готов к большому плаванью. Добьётся он чего-нибудь или нет – не так уж и важно. Зато у братца не будет иллюзий и он не станет кивать ни на Опоссума, ни на Енота (читай «государство», о котором ты так прекрасно высказалась в своём недавнем послании). По сути, он будет кивать лишь на себя, а немного поднаторев, глядишь, – и сам укажет негодяю его место.

Я тут кое-что выяснил. Весьма вероятно, что в основе „Сказок дядюшки Римуса“ лежат не пересказы рабов (как принято считать), а устное творчество коренных жителей Америки, т. е. индейцев. Хотя без разницы – и рабов, и индейцев теперь по пальцам перечесть, зато их наследие живо и, судя по всему, имеет довольно глубокую этическую подоплёку. Оно очень напоминает современное западное право и, мне кажется, имеет непосредственную связь с идеей европейской толерантности. Различные интерпретации этих ска-

зок издаются огромными тиражами, продаются по всему миру и в популярности уступают лишь „Битлз“ и Библии.

И ещё. „Сказки дядюшки Римуса“ издавались в СССР только в специальном пересказе, прошедшем цензуру, а теперь (в связи с новыми законами о защите нравственности) будут запрещены и в России (братцы курят сигары – этого вполне достаточно). Если допустить связь между сказками и здравомыслием (а, похоже, связь таки есть), то население РФ ожидает неизбежная умственная деградация.

Последние события в России – убедительное тому подтверждение: мало того что детям морочат голову с Римусом, государство намерено запретить их усыновление за рубежом. Насчёт США вопрос уже решён. По логике этого самого „государства“ и Римус, и США слишком хороши для русских детей, а значит, опасны для будущего страны. Как видим, круг замкнулся: устное творчество рабов (американских индейцев – кому что нравится) и вправду – лучшая терапия от сумасшествия.

К чему я всё это? Честно признаться, и сам не знаю. Ты написала, что группируешь мысли, а я вдруг припомнил братца Черепаху (очень умный и хитрый братец, надо сказать). Припомнив братца Черепаху, я припомнил братца Кролика, а там – братца Опоссума, братца Енота, и пошло-поехало.

Надеюсь, рассказ не утомил тебя.

Напоследок – ещё два слова. Год назад я довольно болезненно переживал расставание с вами (бедный Марк), а тут

ещё моя крыса сдохла. Не придумав ничего лучшего, я опустил её в банку из-под кофе (Nescafe Collection Alta Rica), налил туда воды и бросил в Язу, забравшись на мост у Берникова переулка. „Спасибо, приходите ещё“ – вот мысль, которая с тех пор нет-нет а и приходит мне в голову (и я ничего не могу с этим поделать).

Ясно, что никто не придёт, что, повторив событие, только расстроишься, да и событий, которые хотелось бы повторить, не так уж и много. Тогда-то я и сочинил свой первый рассказ (с тобой в главной роли) и даже написал картину под названием „Спасибо, приходите ещё“.

Стало действительно легче, – завершал письмо Генри. – Может и в самом деле, если написать свою боль, она пройдёт?»

V

Не пройдёт – Ослик и сам это знал. Взять хотя бы историю с «Марком Марронье» и «Собакой Софи». Минуло четыре года с тех пор, как он расстался с ними. Он исписал всю голову своими текстами, но боль не проходила.

Спустя четверть часа Генри подъехал к Tate Modern, вышел из машины и подобрался к реке. Набережная была пустынна. Лишь метрах в двадцати от него – то ли дрались, то ли занимались любовью (и не поймёшь сразу) какие-то люди.

Галерея современного искусства Tate Modern входит в состав группы Tate (музеи в Лондоне, Ливерпуле и Сент-Айвс) и предлагает коллекцию произведений арта, созданных в XX веке и создаваемых по всему миру в настоящее время. Галерея открыта в 2000 году в помещении бывшей электростанции Bankside Power Station на южном берегу Темзы напротив собора Святого Павла. Кроме традиционных выставок известных мастеров Tate Modern успешно реализует различные программы и для новых художников. Взять хотя бы программу «Национальная молодежная сеть визуальных искусств». По замыслу устроителей программа должна вовлечь в мир современного искусства до 80 тысяч молодых людей. Спонсор проекта – фонд Пола Хэмлина, который за 25 лет своего существования выделил в качестве субсидий порядка

200 миллионов фунтов.

Ослик время от времени приезжал сюда, привлекаемый невероятным ощущением комфорта и спокойствия. В отличие от многих других мест, здесь он чувствовал не только доброе отношение к себе, но и словно какое-то единение с окружающими людьми. Доведись ему прыгнуть в Темзу, его не просто спасут («Здравствуйте, господин Фрейд, можно и мне кокаину?»), но и докопаются до истины («Пожалуйста, но сначала узнаем истинную причину ваших бед»).

Честно сказать, он не прыгал и никто не докапывался, если только не он сам. Генри приезжал сюда с регулярностью компьютера, как будто предчувствовал некую переменную. Важную переменную в жизни, что и случилось.

Сегодня он встретит Ингрид Ренар. Это будет первая с нею встреча, в значительной степени предопределившая его дальнейшую эволюцию.

К счастью те двое, на которых он обратил внимание, не дрались, а и в самом деле занимались любовью. Ослик подошёл ближе, вынул сигареты и даже смог разглядеть их лица. Им было примерно по тридцать. Как и он сам, они явно переживали непростой период, прощаясь с иллюзиями юности – и насчёт окружающего мира, и по поводу себя. Тут тебе и необоснованная гордыня, и амбиции, и радужные планы на жизнь. Оставались семья и секс – последний рубеж оптимизма.

Что до секса у Темзы – он был довольно бурным, но вместе с тем (на улице не принято заниматься любовью) выглядел совершенно приличным и даже возвышенным. Влюблённые напомнили Ослику Ингрид Йонкер и её друга Джека Коупа из фильма «Чёрные бабочки» (Black Butterflies, реж. Паула ван дер Уст, Германия, Голландия, ЮАР, 2011).

Отдадим должное Джеку (Robert Knox Core, 1913–1991, южноафриканский поэт и прозаик) – Джек явно ощущал себя на втором плане, как и подобает настоящему мужчине. Главной же героиней выступала Йонкер. Она не только фее-рически занималась любовью, но также вошла в историю как прекрасная поэтесса, в высшей степени приличный человек и непримиримый борец с апартеидом (Ingrid Jonker, 1933–1965, писала на языке африкаанс). Наиболее известная её книга стихов «Дым и охра» (1963) создавалась в драматической обстановке между любовью и безысходностью («Любовь лишена прав» – одно из заключений Ингрид). В тот период Йонкер сделала аборт, спустя время из-за нервного срыва попала в дурдом и вскоре покончила с собой, прыгнув в океан.

Роль Ингрид Йонкер блестяще исполнила Карис ван Хаутен (премия кинофестиваля Трайбека, 2011), а Джека сыграл Лиам Каннингем. «Талантливые актёры», – размышлял Ослик. И тут его окликнула красавица с набережной.

– Мужчина, вы не могли бы поддержать меня за руки?

– Мог бы, – ответил Ослик. – Если только ваш друг не

против, а вас зовут Ингрид, – добавил он и улыбнулся.

– Нет, друг не против и меня действительно зовут Ингрид, вы знали? Ингрид Ренар, – представилась она, – галерея Tate. Вон та труба через реку, видите?

А теперь, внимание: 18+. Ингрид выглядела необыкновенно счастливой. Она словно предчувствовала нечто новое (что обещало быть незабываемым) и не скрывала радости. Она вообще ничего не скрывала. Задрав юбку, Ингрид присела, разведя колени и облокотившись о поручни набережной. Ослик зашёл сзади, взял её за руки, и та плавно откинулась на него, приняв максимально удобное положение для секса.

«Джек» кивнул Ослику и тут же возобновил свои движения – довольно мощно, но в то же время и мягко, словно стесняясь быть пошлым и удерживая Ингрид за талию. Трусов на ней не наблюдалось, лобок был почти выбрит, а лицом она походила на Мишель Пфайффер из «Знаменитых братьев Бейкер» (The Fabulous Baker Boys, реж. Стивен Кловз, США, 1989).

Что интересно, эти братья (по фильму Джефф и Бо Бриджес) были именно братья, а не так называемые «братаны», которые сплошь и рядом шатались по Москве и искали приключений. Всюду только и слышалось: «Здорóво, братан» или того хуже: «Братан, дай десятку». Россия вообще славилась «братанами». Те разгуливали по улицам, выслежива-

ли вас у магазина, руководили вами в офисе и управляли страной. Братья Бейкер в отличие от них десятков не просили, виртуозно играли на рояле и выступали по клубам. С ними-то Ослик и связывал образ истинного мужчины, а русские «братаны» годились разве что в крокодилы из рассказа про Собаку Софи («Видишь, как здесь красиво?»).

Ничего красивого здесь, конечно, не было. Путинская Россия представляла собой в некотором роде неизлечимо больного ребёнка, которого, безусловно, жаль, но помочь которому уже никто не может (включая НКО, приёмных родителей из Америки и сказки Римуса).

Между тем, «Джек» двигался всё интенсивней, а Ингрид подбиралась к оргазму. Ослик держал её за руки, разглядывал её, вдыхал её запах и по сути влюблялся, переживая небывалую лёгкость. При этом его завораживало и само движение, ведь вместе с «Джеком» двигался и он с Ингрид – шаг за шагом продвигаясь к наивысшей точке эмоционального подъёма.

Явление идеальной итерации.

В какой-то момент Ослик представил этот процесс в виде блок-схемы, затем математически, и вдруг подумал про итерацию в психиатрии. Надо же – при патологическом возбуждении больной то и дело повторяет слова или фразы, и это состояние наиболее выражено как раз при глубоком слабоумии. Именно с таким диагнозом его в своё время отправи-

ли на Мосфильмовскую, и вот теперь он рисует блок-схемы полового акта.

(На заметку – в дальнейшем Ослик не раз ещё вернётся к своим алгоритмам, а столь необыкновенная встреча с Ингрид Ренар обернётся сильнейшим генератором его творчества на многие годы вперёд.)

Наконец Ингрид кончила, отпустила Осликову руку и чуть присев, погладила клитор – нежно и прищуриив глаза, словно хитрая кошка (глаза закрыты, но мышшь никуда не денется – кошка чувствует её). Спустя интервал, она подтянула чулки, поправила юбку и обернулась к Ослику:

– Было хорошо, спасибо.

– Пожалуйста, – ответил Ослик.

– Как вас зовут?

– Генри.

– Что ж, тогда мы пойдём.

«Джек» попрощался с ним, и они ушли.

О тротуар вновь застучал дождь. Капли были довольно крупными. Ударяясь об асфальт, они мгновенно взрывались, точно инопланетные снаряды, прилетевшие покончить с Землёй, но без толку: Земля держалась, а дождь лишь придавал красоты окружающему миру.

«Джек» и Ингрид перебежали улицу и заторопились прочь. Ещё немного – и они вовсе скроются из виду, но вот о чём подумал Ослик: у Ингрид удивительно переменчивое

лицо. При малейшем изменении мимики Ингрид Ренар преображалась. Она менялась: от Карис ван Хаутен через Мишель Пфайффер и до Эмили Блант (внешность которой уже сама по себе – бесконечная завораживающая перемена).

Способность к изменению образа давно и устойчиво ассоциировалась у Ослика с мимикрией. Мимикрия же в его понимании была функцией приспособляемости. Той самой приспособляемости, что как раз и обеспечивает виду выживание. «Механизм естественного отбора, – прочёл он как-то у Барнса (и вновь храбрый Барнс, «Нечего бояться»), – зависит от выживания, но выживает не тот, кто сильнее или обладает более высокими интеллектуальными способностями, а тот, кто лучше всех приспособляется». По-любому, здесь было над чем подумать, но думать не хотелось.

Ослик пребывал в эйфории. Он понимал, что влюбился, ему хорошо, а сколько это продлится – не так уж и важно. Ингрид Ренар из галереи Tate Modern постучалась в его голову, он впустил её, и Ингрид постепенно обустроивалась. Впрочем, обустроиться здесь несложно: пустая голова – делай что хочешь. Пустые комнаты, собрание картин, развешанных по стенам, полки с книжками, да сотня-другая любимых пластинок. Можно сказать, Осликова голова была готова к приёму чего угодно, хотя и тут как посмотреть.

Его коллекцию живописи, к примеру, составляли выдающиеся импрессионисты: Клод Моне с работой «Впечатление.

Восход солнца», Огюст Ренуар («В кафе»), Эдгар Дега («На сцене»), Фредерик Базиль, Берта Моризо и тому подобные.

Особое же место среди художников (и это бросалось сразу) занимали картины Жоржа Сера. Редкий пример «социального импрессионизма», по мнению Ослика. Взять хотя бы «Купание в Аньере» (работа слева) и «Воскресную прогулку на острове Гран-Жатт» (работа справа). Люди из разных миров и разделённые плавным течением реки, будто смотрят друг на друга, но на этом и всё. Слева – молодые люди (рабочие местной фабрики), справа – разноцветные зонты, леди, их дети, джентльмен с проституткой и, похоже, ещё одна (за ловлей «форели» – стоит себе у самой воды и удит).

Жорж Сера создал лишь семь больших полотен, что и понятно. Во-первых он прожил всего ничего (32 года), а во-вторых, придуманная им техника рисования – так называемый «пуантилизм» (крошечные точки контрастного цвета) – была невероятно трудоемкой.

Ингрид всё «обустраивалась».

Из книжек у Ослика присутствовали в основном научные издания (преимущественно по математике, биологии и искусственному интеллекту). Коллекция художественной литературы была представлена большей частью западными писателями (примерно от Байрона до Бернара-Анри Леви), если не считать отдельной полки с античными авторами. Неплохая коллекция как ни странно: там тебе и «Одиссея» Гомера (совсем уж архаика), и «Лисистрата» с «Облаками»

Аристофана.

Что касается музыки – в голове у Генри то и дело крутились малоизвестные панк-группы, такие как Tiny Moving Parts, Precursor, Alcoa, Vinnie Caruana, Shai Hulud, ну и конечно его распрекрасные This Town Needs Guns из Оксфорда. Группы не ахти какие, но, по-любому, одарённые – и поэтически, и музыкально.

Кроме того Ослик бережно хранил и несколько флаеров на клубные концерты своих любимцев. Среди них наиболее памятный – флаер на This Town Needs Guns (при поддержке L'étranger и Forbiros) в московском клубе Б2. Дело в том, что Ослик так и не попал на этот концерт 12 февраля тринадцатого года из-за ареста («Пройдёмте с нами»). Ослика схватили как раз накануне, а 12 февраля, во вторник, он уже проходил медицинскую комиссию в ведомственной санчасти.

Осликова голова, таким образом, была хоть и пуста, но весьма романтична, и приживётся ли там Ингрид – было неясно. Наташа Лобачёва, к слову, не прижилась. Не прижилась, похоже, и Эльвира Додж, не говоря уже о Собаке Софи из дурдома на Мосфильмовской. Люди ценят реальность. Даже в искусстве они большей частью ищут именно её. Реальность же Ослика походила на вымысел, да и ни к чему ему, если подумать, лишние заботы. «Оставьте меня в покое» – вот наиболее часто возникавшая в его голове мысль. Так что шансов у Ингрид было немного.

Ослик перешёл улицу и направился к собору Святого Павла. Возведением собора (1675–1708) занимался Кристофер Рен (1632–1723, математик, архитектор и профессор Оксфорда), но самым сложным для Рена оказался купол. Его конструкция должна была быть очень лёгкой, иначе церковь грозила бы развалиться: фундамент и без того просел. И тогда Рену помог Роберт Гук, изобретатель микроскопа (1635–1703, английский естествоиспытатель). Он предложил трёхуровневую архитектуру по принципу свисающих цепей.

И вновь уровни. Находились ли Ослик и Ингрид Ренар на одном уровне или были распределены? – вот о чём думал Генри. Лучше бы на одном. В противном случае придётся и жёсткость пересчитывать (жёсткость перекрытий), и цепи городить («перевёрнутые цепи» купола обычно собирались из досок), а так не хотелось.

(Роберт Гук признан одним из основоположников экспериментальной физики. Он открыл закон всемирного тяготения (что впоследствии успешно оспорил Исаак Ньютон), закон пропорциональности между упругими растяжениями (закон Гука) и явление интерференции света. Кроме микроскопа Гук изобрёл оптический телеграф и множество других механизмов.)

Постояв у Saint Paul's Cathedral, Ослик съел гамбургер в «Макдоналдсе» у Wood Street и вернулся к своей Audi. Занимался рассвет. Он дослушал «Animals» и под утро уснул, убаюканный Стюардом Смитом (вокалистом This

Town Needs Guns).

VI. Ингрид Ренар (16.03.2036, воскресенье)

Узнав, при каких обстоятельствах Ослик познакомился с нею восемнадцать лет назад, Ингрид смутилась: она давно уже не занималась любовью на улице (да и где бы то ни было). С мужчинами ей не везло – они охотно сближались с Ингрид, но встречи были непродолжительными, не говоря уже о долгой и прочной связи.

Она без труда припомнила оргию у Святого Павла и потянулась за сигаретой. С тех пор прошло немало времени, но странно – воспоминание живо, за окном тот же дождь, а жизнь, тем не менее, подходит к концу. И дело даже не в астероиде (астероид стремительно приближался к Земле), здесь другое – с годами опускались руки, зато мысленное возвращение назад становилось всё привлекательнее.

Ингрид подумала о Ницше с его «вечным возвращением» и изумилась. «Идея вечного возвращения загадочна, – писал Милан Кундера в „Невыносимой лёгкости бытия“, – и Ницше поверг ею в замешательство прочих философов: представить только, что когда-нибудь повторится всё пережитое нами и что само повторение станет повторяться до бесконечности!»

Ужас какой. Вот и Ренар, единственное, на что она согласилась – стать персонажем романа, да и то, подобно Тере-

зе Милана Кундеры, Ингрид «родилась вовсе не из утробы матери, а из одной-двух впечатляющих фраз или из одной решающей ситуации». Утешало хотя бы то, что и Ослик, если разобраться, был тоже персонажем. Как и Томаш, он родился из фразы, пусть и не столь впечатляющей («Einmal ist keinmal», «один раз не в счёт», нем.), зато весьма многозначительной: «Вы не могли бы подержать меня за руки?»

Мог бы. Вероятно, в этом «мог бы» и заключался смысл их соединения на страницах Осликовой рукописи: все эти годы Ослик держал её за руки, она занималась любовью (большей частью сама с собой), а когда время вышло, он написал ей.

Ингрид заглянула в дневник. Она исправно вела его – сначала от руки, но последние лет десять в основном на компьютере и всё более развёрнуто: с размышлениями, анализом событий, а подчас и придумывая их продолжение. Дневник Ренар, таким образом, приобретал некоторую художественность. Да и как откажешь себе? Вымысел хоть и зависимость, но зависимость приятная и в сущности безвредная.

Под датой «12.10.2018» стоял прочерк (записей не было), зато днём позже: «Занималась любовью с неким Дейлом у Святого Павла. В какой-то момент к нам присоединился странный незнакомец. Пока Дейл старался, молодой человек держал меня за руки. Держал очень нежно, словно я нуждалась в помощи (а не развлекалась) и он беспокоился обо мне. Отчётливо помню его глаза. Похоже, он был счастлив».

Так что никакой это не «Джек», как мыслилось Генри, а Дейл Арьес – безработный художник, на которого она запала в клубе The White House (хаус, электро, брейкбит). Приключение на одну ночь. С тех пор о Дейле она ничего не знала, да и знать не хотела. Мало ли к чему прибьётся мотылёк. Как правило, он летит на свет, но больно ударившись о фонарь, падает замертво.

А вот насчёт «Чёрных бабочек» она могла бы дополнить Ослика. Так и неясно, к примеру, от кого Йонкер сделала аборт: то ли от Джека Коупа (как пишет Генри), то ли от Андре Бринка (André Philippus Brink; южноафриканский писатель), с которым она тоже была близка и, возможно, любила его. Впрочем, без разницы – и тот, и другой в конечном итоге отказались от Ингрид, предпочтя работу над очередным романом (извечная дилемма писателя – или быт, или книжка). И Джек, и Андре выбрали книжку. Добавим к этому непростые отношения Ингрид с её отцом. Будучи одним из ведущих политиков ЮАР и отъявленным расистом, он чурался свободных убеждений дочери, а под конец и вовсе возненавидел и её, и её стихи.

Ну как тут не прыгнуть в море? Ситуация изменилась лишь спустя 30 лет, с приходом к власти Африканского национального конгресса во главе с Нельсоном Манделой. Именно тогда Йонкер получила всеобщее признание и стала символом сопротивления.

В своей знаменитой речи по случаю первых в истории

ЮАР демократических выборов Мандела даже процитировал одно из стихотворений Ингрид об убитом ребёнке («Ребёнок, убитый солдатами в Ньянге»). Возвращаясь к аборт: её истинным абортотом была Африка, а если точнее, право человека на достоинство и свободу. В этом смысле совершенно справедливым выглядело обращение Ослика к теме русских детей. Россия (как и ЮАР времён апартеида) представлялась ему неизлечимо больным (а то и убитым) ребёнком.

Как видим, история с Black Butterflies обернулась довольно актуальной метафорой и для современности. Ренар не смотрела фильм, зато слушала как-то лекцию о ценностях демократии, прочитанную в Кэмбервелском художественном колледже Борисом Березовским.

Березовский тогда производил впечатление истинного мужчины (в терминологии Ослика), хоть и не был виртуозом фортепиано и не давал концертов по клубам.

Теперь понятно, откуда на холсте «Итерация» (часть I) взялись Борис Березовский и Нельсон Мандела. Они катались на качелях (туда-сюда) и обсуждали, надо думать, планы на будущее. По замыслу Березовского Африка должна наконец заняться образованием своих граждан и впоследствии перейти к рыночным реформам – без оглядки на прошлое, развивая право и стимулируя интерес к труду. У Манделы же не было никакого плана, кроме как поправить здоровье, а для поддержания беседы он большей частью задавал вопро-

сы, глупо улыбался и повторялся, цитируя Йонкер. «Ребёнок не умер, – талдычил он. – Кто-то другой / Лежит там с простреленной головой / В сердце растерзанной Африки».

«Авантюрист и слабоумный», – подумала Ингрид. Пожалуй, она так и назвала бы этот фрагмент с качелями из Осликовой картины. Да что и говорить: и Борис Березовский, и Нельсон Мандела (с его многострадальными африканцами) представляли собой явно промежуточный продукт эволюции и, безусловно, в начальной своей стадии. Неизвестно также, куда приведёт эта эволюция.

Качели (ещё один образ итерации) – вот единственное, что более-менее верно отражает сущностный механизм развития. Стоит добавить: качели с Березовским и Манделой были частью детской площадки, где резвились детишки всех наций и вероисповеданий. Вокруг копошились их родители, то мирно беседуя, то воинственно огрызаясь, демонстрируя при этом и умные лица, и злобный оскал, а подчас и то и другое вместе. «Что ж поделать, – разумно заметила Ренар. – Люди с умными лицами тоже бывают дураками».

В целом же она была обескуражена. Выходит, все эти годы Ослик по меньшей мере думал о ней, а там – как знать – может и любил её. Любил по-настоящему (а не как, скажем, Дейл Арьес – безработный художник и мотылёк, разбившийся о фонарь). Любовь на расстоянии, как известно, наиболее долгая. Не зря Фредерик Бегбедер даже не рассматривал её в

нашумевшем романе сорокалетней давности («Любовь живёт три года»).

В любом случае она намерена как можно скорей повидаться с Осликом или хотя бы поговорить с ним. «Авантюрист и слабоумный», – мелькнула мысль (Ингрид была «авантюристом», а Ослик «слабоумным»). Они заочно катались на качелях и делились планами на будущее в окружении безумцев всех наций и вероисповеданий.

Ближе к вечеру Ренар позвонила ему на мобильный и он тут же ответил:

– Слушаю, Ослик.

– Здравствуйте, Генри. Это Ингрид Ренар, галерея Tate. Вон та труба через реку, помните?

– Помню, – ответил Ослик.

Он действительно помнил. Помнил не то слово. Труба Bankside Power Station высотой в 99 метров уже сама по себе была произведением искусства, а знакомство с Ренар и подавно. Тепловая электростанция построена в 1963 году по проекту сэра Джайлса Гилберта Скотта (Sir Giles Gilbert Scott, 1880–1960, знаменитый дизайнер и архитектор), но уже в 1981-м закрылась из-за повышения цен на топливо. Галерея современного искусства, размещённая позже в Bankside Power Station, оказалась как видно куда более рентабельной.

И всё же само сооружение не может не впечатлять. Впе-

чатляло оно и Ослика. Людям вообще свойственно впечатляться, а уж тем более связывать своё впечатление с обстоятельствами, включая любовь (и так далее). В этой связи сознание Генри неразрывно соединяло образ Ренар с образом «вон той трубы через реку, помните?».

– Помню, – ответил Ослик и засмутился. – Здравствуйте, Ингрид, – чуть помедлив и словно очнувшись от долгого сна, произнёс он. – Как поживаете?

– Как поживаю? – Ингрид мысленно улыбнулась (Ослик и вправду не от мира сего). – До вашей «посылки» без проблем, но теперь и не знаю. Начала читать рукопись. Вы сумасшедший?

– А вы как думаете?

– Думаю нет. Хотите, встретимся?

– Хочу.

Олдос Луазье уже сообщил ему о вчерашнем разговоре с Ингрид, так что Генри не удивился звонку. Он догадывался, что Ингрид по-любому дозвонится и предложит встречу. Хотел ли он увидеть её? Безусловно хотел. Хотел и прекрасно знал, о чём они будут говорить. Ингрид тоже хотела, но в отличие от Ослика понятия не имела, что скажет ему. Она хотела и одновременно опасалась этой встречи, предвидя роль слушателя. Уж Ослику есть что порассказать, не сомневалась она.

– Хочу, но не сегодня, – извинился Ослик. – Сегодня я не

в Лондоне. Как насчёт завтра? Завтра вечером, к примеру в десять. Любое кафе на ваш выбор.

Ингрид не спешила с ответом. Она предполагала нечто подобное, но кафе подождёт, рассуждала она.

– Что если там же, где и в первый раз? На набережной, помните?

– И как тогда, вы придёте с «Джеком» или как там его, – рассмеялся Ослик.

– Нет, конечно. Я не замужем, если вы об этом.

Ослик и сам знал, что не замужем. Честно говоря, он стеснялся даже думать о браке. Не то чтобы он недооценивал брак, но странно – по его наблюдениям, люди, состоящие в браке, не казались ему счастливыми. В лучшем случае они испытывали взаимную привязанность, в худшем – ненавидели друг друга и всё же терпели.

– Ингрид, не бойтесь меня, – Генри осторожно подбирал слова. – И вообще ничего не бойтесь. По моим расчетам, Апофис пролетит мимо, а вас ожидает вполне счастливое будущее.

Счастливое будущее?

Вот уж чего она не ждёт – так это перемен. О счастливом будущем надо было думать раньше. Теперь же, вне зависимости от космических объектов, Ингрид рассчитывала лишь продлить настоящее, избежать потрясений и быстро умереть – без боли и страдания.

– Хорошие новости, – ответила она.

– Тогда до встречи, – казалось, Ослику всё нипочём. Будто начался проливной дождь, а он смеялся и перепрыгивал лужи. – До встречи, Ингрид.

– До встречи, Генри.

Нет, он и правда не в себе. Ингрид выключила трубку и задумалась. Она вдруг представила ослика Иисуса Христа, но не в каноническом изложении Евангелия (покорный ослик при въезде в Иерусалим), а как если бы он и впрямь весело скакал, перепрыгивая лужи и радуясь жизни. Более того, ослик лучился волшебным светом, а Иисуса трясло и он ждал не дождался, как бы поскорей соскочить на землю. Соскочив наконец на землю (Святую землю), Иисус перекрестился, а Ингрид сперва усмехнулась, а там и вовсе залилась безудержным смехом. Смехом искренним и умным, словно «робкое обещание спасения», как сказал бы Милан Кундера в какой-нибудь из своих книг.

VII. Волшебство одиночества

Прошлое – это то, что привело к нашему возникновению; будущее – это то, что мы создаём сегодня.

(Джулиан Барнс, «Нечего бояться»)

Вдохновившись любовью к Ингрид, и уже меньше чем через месяц после приключения у Святого Павла Ослик принял свою первую поездку в Россию.

На что он рассчитывал?

Во-первых, повидать Марка и Собаку Софи, а заодно посмотреть, как вытащить их из дурдома. Задача не из лёгких, и он не строил иллюзий. «Хотя бы начать, – убеждал себя Генри, – ведь и крокодил не сразу стал крокодилом».

Кстати о крокодилах. Ослик то и дело возвращался к своей модели, и вот что волновало его: что если крокодил, борясь со смертью, на каком-то этапе своей эволюции охладает чувствами? Ладно бы охладает, а то и вовсе утратит способность испытывать чувства. Сначала рептилия потеряет интерес к друзьям, затем к любимой и наконец к самому себе. Согласно Сомерсету Моэму это было бы «величайшей трагедией жизни» («Подводя итоги»), а допустить такое не хотелось бы.

Во-вторых, посетив Россию, Ослик рассчитывал на новые впечатления. Теоретически он вполне представлял себе та-

мошный режим и издевательства над людьми, но всё же надеялся на положительные перемены: зря, что ли, столько народу томится по тюрьмам и несмотря ни на что продолжает сопротивление.

По сути, Генри тоже сопротивлялся, хотя и ясно, что преследовал куда меньшую цель (набраться страху, как мы знаем). Он надеялся, что это как-то поможет ему, а как – лишь догадывался. Конечно, он не хотел становиться крокодилом, но и пингином быть не хотел.

Между тем, с пингвинами тоже непросто.

В соответствии с классификацией животных, они считались птицами, хоть и давно уже не летали. Зато пингины прекрасно плавали и Ослик находил в этом определённую надежду. Смотрите, что получается: не выдержав конкурентной борьбы в воздухе, пингины (узники совести) решили попытать счастья в воде. На той же территории (в той же стране), при тех же порядках (право сильного, закон джунглей) и с теми же традициями (Россия – лучше всех).

Нет, не подумайте, в воде пингинам тоже не мёд: их ест кто ни попадя, а некоторые их виды уже сегодня занесены в Международную Красную книгу. Тем не менее, угроз под водой значительно меньше, чем в воздухе, и для птиц это существенное облегчение. Так или иначе, пингины приспособились. Они и до сих пор демонстрируют небывалую силу характера (в РФ меньше 1 % оправдательных приговоров), отстаивая свои права на достойную жизнь. «Так что,

как знать, может в будущем эти прекрасные птицы и в самом деле добьются заветной цели. Пусть бы даже и поменяв среду обитания, – рассуждал Ослик, – какая к чёрту разница, как вы добиваетесь своих прав?»

В отличие от Джулиана Барнса Генри не считал приспособляемость сомнительным качеством. К тому же Ослик рассматривал умение приспособиться (а в РФ – тем более) неотъемлемой частью земного колорита. Для начала, полагал он, надо выжить, а уж потом добиваться счастья: справедливости, прав человека или любви. Кому чего, короче. Хорошо бы впоследствии и крокодила съест. Съесть его не помешало бы. Пока пингвин не съест крокодила (хотя бы разок), пингвину не позавидуешь: у него не будет популярности, а без неё он вряд ли добьётся честных выборов.

В этом смысле и тюрьма, и эмиграция (включая внутреннюю эмиграцию) пингвину на пользу. Фактически, Ослик распространял учение Дарвина не только на свободный рынок («проклятый дарвинизм», в терминологии левых), но также и на гражданские свободы в условиях истинной демократии. Чем собственно и был хорош его андроид: он не просто выполнял команды и развлекал гостей (подобно японскому роботу ASIMO), но и обладал индивидуальным сознанием. Бельгийский андроид был самодостаточным андроидом. Он всё время совершенствовал себя. Он работал именно над собой, а не над своим рейтингом (раз уж мы заговорили про

честные выборы).

31 октября 2018 года Ослик вылетел из Хитроу рейсом до Киева, там пересел на поезд «Киев – Симферополь» РЖД и к вечеру 1 ноября прибыл в Коктебель для встречи с Наташей Лобачёвой – к тому времени главным редактором издательства «Тарас Бульба». Офис издательства располагался в Харькове, формально подчинялся «Эксмо», но имел и некоторую независимость. По словам самой Лобачёвой, время от времени «Тарас» издавал оппозиционных писателей, делая вид, что эти писатели безвредны и что на продаже их книг можно неплохо заработать.

«Тарас» и правда зарабатывал, но Лобачёвой не позавидуешь: она внимательно работала с «опасными» писателями, призывая их к иносказательности. Письмо «между строк» – вот, собственно, к чему сводилась политика издательства. Подобно пингвину, Лобачёва приспособливалась к новой среде обитания и имела даже некоторую прибыль. Не будь прибыли, «Бульбу» давно закрыли бы (как и любое другое издательство), что и понятно: власть ещё как-то могла бы терпеть нападки от литераторов, но не бесплатно же, в самом деле. Кому охота, короче? А зря – хороших писателей становилось всё меньше. Издавали в основном лояльных к режиму или уж совсем известных персонажей (не обязательно писателей: спортсменов, артистов и прочих клоунов).

Так и не приобретя экономической самостоятельности,

Украина (в который раз уже) «породнилась» с Россией и теперь распродала остатки своей свободы, включая зерновые, силос, скотину, глупость простолюдинов, ну и, конечно, «Тараса Бульбу» с его какой-никакой, а прибылью.

Как и Ослик, Лобачёва выросла в Харькове. Будучи подростками, они кое-как пережили девяностые, в 2004-м окончили среднюю школу № 36 (на Артёма) и вскоре расстались. Она продолжила учёбу в местном университете, а он уехал – сначала в Прибалтику, а затем в Россию в надежде поступить на бюджет (куда – без разницы), но поступил лишь в военную академию (по сути училище). Одна радость – окна казармы выходили на реку.

Тут Ослик походил на Клода Моне в юности. В семье будущего импрессиониста не одобряли его увлечения живописью, и когда настало время помочь деньгами – никто не помог. В 1860 году Клод был вынужден поступить на службу в армию и два года провел в Алжире. В отличие от Клода Генри не занимался живописью, зато программировал сайты и его «Алжир» продлился не два года, а почти восемь лет. Лучшие годы коту под хвост, смеялся он над собою, изредка вспоминая военную службу и мысленно возвращаясь к Лобачёвой.

Расставание вышло драматическим. Как выяснилось, Наташа любила его, а он нет. В ноябре 2004-го Лобачёва с радостью встретила демократические перемены в Украине (оран-

жевые шарфы, Майдан и счастливые планы), но учёба пролетела, как один день.

К моменту выпуска из университета её страна вновь скадилась в «третий мир» и переживала одно потрясение за другим: разгул криминала, падение экономики и торжество русофилов. Появились политзаключённые. Долгое время Лобачёва сидела без работы, в 2010-м она уехала по контракту в Польшу, а вернувшись, получила место корректора в издательстве «Фолио». Работа так себе, зато Наташа приобрела некоторый опыт и спустя время перешла в «Тараса Бульбу». Здесь было существенно больше свободы, карьерный рост и, в общем, худо-бедно как-то жилось.

Мало что изменила и революция четырнадцатого года в Киеве. Генри в то время «лечился от слабоумия» и не было для него большей радости, чем эта антисоветская революция. Чего не скажешь об РФ. Почуввав неладное, Россия разве что не зубами вцепилась в Украину и спустя время благополучно отвоевала её. В ход пошли угрозы, ложь, надуманные предлоги (самый распространённый – «наших бьют!») и, естественно, сила. «Open intervention» – бегущая строка на Euronews ясно указывала на суть происходящего («Открытая интервенция»).

Набережная Коктебеля была пустынной.

Слегка штормило. Сквозь облака пробивалось яркое до боли солнце. Ослик спустился к морю, присел на камни и

с минуту послушал шум волн. Здешний пейзаж значительно отличался от Шеппи, но в целом и здесь, и там природа словно просилась на холст импрессионисту.

Что касается природы – она как общий знаменатель для любой сущности: политической, экономической или нравственной. Проблема как всегда с числительными. Будучи в своём роде надстройкой в многоуровневой системе ценностей, именно числительные определяют конечную эффективность того или иного социального устройства. «Вот люди и тянутся к морю, – подумал Ослик, – беспроигрышный вариант».

Лобачёва поджидала его под навесом кафе «Пролог», а завидев Генри, вскочила и побежала на встречу. С криком «Ослик!» она бросилась к Ослику и надолго повисла на нём, прижавшись и крепко обняв. Они не виделись с декабря 2011-го (в тот раз Ната приезжала к нему на Рождество, они даже поучаствовали в митинге на Сахарова и ещё долго потом обсуждали все эти «снежные» перипетии). Они не виделись почти семь лет, но зато регулярно переписывались в Твиттере и примерно представляли, с чем столкнутся.

Лобачёва столкнулась с выдавшим виды психом, а Ослик столкнулся с незаурядным технологом от литературы и умницей, безответно любившей его. «И как такое возможно (зачем технологу псих)?» – недоумевал он.

Однако ж, возможно. Профессия в значительной мере формирует характер, но и здесь, как на весах: смотря чего

больше – практичности или любви. У Наташи преобладала любовь, не говоря уже о Генри – к работе он относился второстепенно, по сути, в шутку. Работа в его понимании была лишь вынужденной операцией над дробями, где в знаменателе – опять же подобно морю (и пресловутым ценностям) – находилась любовь. Так что, хочешь не хочешь – эти двое имели вполне обоснованную гипотезу взаимной привязанности.

В той же степени, вероятно, связаны и простые числа применительно к гипотезе Римана: есть основания для связи, но самой связи нет. Во-первых, не найдено какой-либо закономерности, описывающей распределение простых чисел среди натуральных, а во-вторых, хоть Риман и предположил связь между простыми числами и распределением так называемых «нетривиальных нулей» дзета-функции, закономерность до сих пор не доказана.

«Жаль, но, видно, открытие Бернхарда Римана и впрямь недоказуемо», – сокрушался Ослик. Тут – что со «Снежной революцией» в Москве: много надежд, но толку мало. А теперь и вовсе: спустя годы редко кто помышлял о разумных изменениях в его стране. Президент Путин устроился на четвёртый срок, оппозиция подавлена, Россию ожидает долгий период мучительного прозрения. Если это прозрение вообще возможно.

К вечеру поднялся сильнейший ветер. Над головой на-

вис Карадаг. «Чёрным истуканом навис», – заметила Наташа. Лобачёва и Ослик прошли до лодочной станции, а оттуда в гостиницу. Частный отель «Перевернутая лодка» – вот куда привела их гипотеза взаимной привязанности.

И действительно, формой отель напоминал сильно накренившуюся в шторм яхту. Ещё немного, и она затонет. Но нет. Лодка держалась, как, собственно, и весь постсоветский понт (игра слов: «Понт» – древнее греко-персидское государство на Южном берегу Чёрного моря, «понт» – напускная заносчивость, высокомерие, хвастовство). Сразу и не поймёшь: то ли ты в России, то ли в Китайской Народной Республике – коррумпированный рынок плюс Политбюро КПК (ручное управление). Этих отелей теперь не счесть, да что толку – всё сплошь перевернутые лодки. Вывеска так и гласила: «Overturned Rowboat».

Они болтали до глубокой ночи. Уснули лишь под утро, но так и не сказали друг другу главное. Впрочем, что говорить? – и так всё ясно: Ослик и Лобачёва намеренно продлевали свою связь, не обсуждая её и стараясь не думать о ней. Тот самый случай, когда скажи правду (она любит, он нет), – и всё закончится. Такой исход им не нужен.

Другое дело – секс. Правда сексу не помеха. Бери больше – будучи проявлением животного начала, сексу всё равно, что у вас там с надстройкой (ваша индивидуальность, ценности, мораль). «Было бы желание», – размышлял Ослик. Но желания не было: Наташа выглядела измотанной, да и он не

возбуждал её.

Ему не спалось. С рассветом он вышел на улицу и час-другой смотрел, как бьются волны. Они бились о пристань, бились о камни, бились о катер у причала. Катер качало.

Волны бились об Осликову голову и Наташино представление о нём. Представление – так себе, но и Лобачёва не сдавалась. Она хоть и повторялась со своей любовью к нему, казалось, ей нравилось повторяться. Даже во сне она обнимала его. Он отстранялся, и она обнимала снова. При некоторой фантазии Наташу можно было определить, как многократно повторяющуюся компьютерную программу. Или, к примеру, как «ditto mark» (знак повтора в английском языке), а то и одоридзи (символ японского письма, означающий удвоение иероглифа). Лобачёву будто зациклило на Ослике, а как выйти из этого цикла, она не знала.

Позавтракав, Генри и Наташа засобирались – он отправится в аэропорт, она на вокзал, и уже к вечеру оба придут, кто куда: Ослик в Москву, Лобачёва в Харьков. Впереди выходные, а затем будни – основа филогенеза.

На прощание они присели у «Перевернутой лодки». Отель оказался вполне сносным. Тем более сносным, что свалка вокруг (свалка, знакомая Ослику ещё с детства) всё разрасталась. Предпринимателей здесь не жаловали. Но как бы то ни было, оставшиеся на свободе (в основном, отку-

пившиеся – кто деньгами, кто послушанием) делали своё дело. Самое отвратительное – всех всё устраивало: и население (еды пока хватало), и власть (она имела стабильный откат), и мировое сообщество (худо-бедно Запад осваивал-таки восточный рынок, и уж, конечно, не собирался его терять).

Формально (для большинства населения, власти и в известной степени для мирового сообщества) дела обстояли так: в тюрьмах РФ сидели истинные преступники, а страной управляли хоть и не истинные праведники, но всё ж таки и не фашисты. Добавим к этому пресловутую самобытность, вероисповедание (православие на службе у государства) – и дело с концом. Любая критика в свой адрес воспринималась русскими как оскорбление.

Правда? Какая, к чёрту, правда! Россия и Запад хоть и заявляли о стремлении к общечеловеческим ценностям – давно уже были в разводе. В этом смысле их отношения выглядели чистым сексом: животным, довольно пошлым, по сути порнографией.

Насидевшись у «Перевернутой лодки», Наташа и Ослик поднялись. В будущем они не раз ещё встретятся, но теперь, слушая шум волн и оглядываясь назад, оба предчувствовали недоброе. Время от времени заключённых предпринимателей освобождали по амнистии, но то были крохи и, ясное дело, для вида (или чтоб снова «подоить»), а отнюдь не как проявление доброй воли. «Во всяком случае, лучше не бу-

дет», – Лобачёва сникла и как-то вся погрустнела. «С другой стороны – куда уж хуже», – надеялся Ослик.

В его голове крутилась всё та же «Модель крокодила». Как и в начале нашего рассказа, Ослик по-прежнему рассчитывал на здравомыслие и искал гармонии с внешним миром.

В Москве он провёл субботу и воскресенье. Как и в былые годы, по выходным город пустел, что и к лучшему. Ослику нравился безлюдный город. Осень побуждает к воображению. Всюду жёлтые листья, то и дело моросит дождь, порывы ветра и запах кофе – куда бы Генри ни заглянул перекусить и кое-что записать. В основном он записывал короткие впечатления, сюжеты для Твиттера (и для будущих иллюстраций, если повезёт). В отдельную папку он складывал мысли касательно бельгийского андроида, да и вообще размышления, в том числе и по поводу эволюции сознания.

В настоящий момент андроид, над которым Ослик работал, представлялся ему всего лишь зародышем на одной из ранних стадий искусственного онтогенеза. При этом к концу проекта учёный намеревался не просто научить машину думать, но и повторить в ней признаки как можно большего числа приличных людей. Что бы сказал на это Эрнст Геккель? «Онтогенез есть быстрое и краткое повторение филогенеза», – вот что ответил бы немецкий естествоиспытатель и пожелал бы Ослику долгих лет жизни.

В Москве он выкроил также время и присмотрел для себя

небольшую квартиру на Солянке, надеясь в ближайшие месяц-два купить её. В офисе «Инком недвижимости» ему обрадовались – ещё бы: Ослик не торговался, в течение полчаса подписал необходимые бумаги и договорился об окончательной сделке на декабрь. По плану он собирался 20–21 декабря вернуться в Москву, оформить последние документы и впервые после эмиграции встретить Рождество (а там и Новый год) в России.

В воскресенье вечером он позвонил Лобачёвой в Харьков и рассказал ей о своих планах. Та обрадовалась и спросила: «А что с Эльвирой?» С Эльвирой он так и не встретился, зато повидался с Собакой Софи. Таня Лунгу по-прежнему «лечилась» на Мосфильмовской, Марк совсем опустился, и Ослик твёрдо решил во что бы то ни стало освободить их. Вероятнее всего Ослик устроит им побег. Хотя, как знать, может, обойдётся и по-людски. К примеру, он выкупит их – в России без труда можно купить и человека, и его душу. Так было раньше, так оставалось и теперь.

Он побеседовал с врачом Лунгу и, когда предложил ему деньги, тот оживился и даже показал свои белоснежные зубы.

– Знаете, сколько я отдал за них? – спросил доктор.

Нет, Ослик не знал.

– Миллион 200 тысяч, плюс гарантия.

Плюс ещё что-то, Ослик так и не понял. В целом же, впол-

не разумная цена. Порядка 20 тысяч фунтов – не так уж и много в обмен на свободу его друзей. Правда, предстояли и другие расходы, но делать нечего: Софи и Марку требовались документы, затем друзей следовало переправить через границу (самая дорогостоящая часть) и к тому же устроить их там.

Эльвира Додж? Она не стала с ним говорить.

Додж сослалась на обиду, и вообще ей «давно уже надоела эта канитель».

– Сочувствую, – промямлил Ослик.

– Не стоит, – ответила Додж и отключилась.

Нет так нет. Он едва ли рассчитывал на большее. Зато в самолёте (Домодедово – Хитроу, рейс ВА 236, «Боинг 767») Генри придумал небольшой рассказ про Додж и Наташу Лобачёву (чем в итоге и утешился).

Лобачёва и Додж

Это был откровенно сюрреалистический рассказ, что и не удивительно. События последних дней утомили его: Ослик устал, да и в голове всё перемешалось. Действие разворачивалось на веранде кафе «Пролог» в Коктебеле. Генри был столиком на металлических ножках, а за этим столиком сидели Наташа Лобачёва и Эльвира Додж. Подруги наслаждались кофе, время от времени поглядывали на Карадаг и тихо

беседовали. Казалось, они давно не виделись и им было чем поделиться.

Их истории выглядели довольно типичными для постсоветского пространства, да и вообще типичными для людей вполне здоровых и тем не менее несчастливых. Они состоялись и материально, и физически, и умственно (это вам не Собака Софи из дурдома), но не тут-то было. Додж искала перемен, её пугало будущее, а Лобачёва и вовсе казалась разочарованной: она нелюбима, да и с работой не вышло – одно лукавство.

Так что подругам тоже досталось.

Зато Ослик (этот столик у моря) как будто и не терзался ничем. Он хоть и был одинок и точно так же, как Лобачёва с Додж, не очень-то верил в будущее, но всё ж таки не унывал. Больше того, Генри, по сути, наслаждался чудесным ощущением неодушевлённости. «Волшебство одиночества», – как заметит он позже, когда стемнеет, на дворе зарядит дождь, а Лобачёва и Додж допьют свой кофе и распрощаются у киоска напротив с надписью «Обмен валюты».

Со столика уберут чашки с блюдами и пепельницу. Некоторое время над Осликом покружат дивные запахи «Ив Роше», сигарет Vogue Menthe и латекса от Эльвириных чулок, после чего всё стихнет. Останутся лишь шум ветра, мяуканье кота, да плеск волн на пристани. Волшебство одиночества, одним словом.

В конце рассказа Генри подводит итог. Весьма противоре-

чивый, надо сказать, итог, да ничего не попишешь. Ослик «Боинг» заходил на посадку, внизу показался остров Шеппи, поездка подходила к концу.

«Будучи безмолвным и циклически выполняя одни и те же действия на самом себе, – запишет Ослик, – можно испытать и боль и удовольствие – в зависимости, как посмотреть. Проведя достаточно времени под навесом кафе, столик (столик Иисуса Христа) скорей всего приспособится и даже станет подумывать о будущем. Во всяком случае, деревянный столик на металлических ножках не утратит надежды. Наступит новый день, придут новые люди. Не так уж и плохо».

Не так уж и плохо? Может и правда Генри следовало бы поумерить свои аппетиты и довольствоваться малым? Чем и в самом деле не радость – новый день и новые люди? И тут Ослик нащупал в кармане джинсов визитку того самого кафе из Коктебеля. «Литературное кафе „Пролог“», гласила надпись, а с обратной стороны красовался фрагмент из стихотворения Максимилиана Волошина с таким же названием. Надо же. Генри немедленно загуглил и «Пролог», и Волошина.

Стихотворение было написано 11 сентября 1915 года в Биаррице и посвящалось Андрею Белому. Что надоумило Волошина посвятить стихотворение Андрею Белому, Ослик, конечно, не знал, но обрадовался и интуитивно почувствовал внутреннюю близость с русским символистом. Взять хо-

тя бы мытарства Белого (от Гёте до увлечения коммунизмом), не говоря уже о глубочайшем одиночестве поэта (особенно после разрыва с Анной Тургеневой). Так что Волошин, несомненно, заглядывал в самую суть. «Один среди враждебных ратей», – писал он.

Один среди враждебных ратей,
Не их, не ваш, не свой, ничей —
Я голос внутренних ключей,
Я семя будущих зачатий.

Часть вторая. Рекурсивный анализ

I

Вернувшись в Англию, Ослик пережил странное чувство: как будто приехал сюда впервые. Рефлекс явно отсутствовал, что и понятно: после четырнадцатого года он ни разу не приезжал сюда из России, а та, как видно, удерживала его и не спешила расстаться с ним.

Но ничего. «Скоро всё изменится» – припомнил он рекламу МТС на проспекте Мира у «Шоколадницы». Дальше следовала приписка «От слов к цифре» и белое яйцо в углу. Вполне крокодилье яйцо, надо сказать, размером в полбаннера. Ослик так и видел вылупляющихся по всей стране премилых рептилий. У каждой такой рептилии с рождения было по флажку с портретом президента, а не будь этих флажков, оператора давно закрыли бы, и дело с концом.

Что касается приписки «От слов к цифре», она и вовсе вызывала у Ослика экстаз прозрения. Нет, в самом деле, какие к чёрту слова! Цифры – вот суть позитивистского мышления. По сути, если как-то и можно объяснить какое-нибудь явление, то лишь с помощью цифр. Слова же со временем деградируют до слогана, а дальше вообще не факт, что слова понадобятся.

В Ширнесе он вновь окунулся в работу.

Пришли первые отзывы из Бельгии. Его андроид постепенно обретал материальное воплощение. Кое-что уже было реализовано, причём в нескольких приложениях сразу: андроид-директор (управляющий производством, коллективом роботов и андроидов), андроид-писатель (составитель характеристик товара в интернет-магазине, маркетинг и продвижение) и андроид-разнорабочий (универсальная машина для непопулярных профессий, обычно выполняемых выходцами Средней Азии, Ближнего Востока и Африки).

В целом, «Модель крокодила» работала. Отзывы были большей частью положительные, а то и восторженные. Хотя бы так. Чем больше восторга, тем больше денег, а деньги ему нужны. Предстояли немалые расходы: визиты в Москву (к доктору), покупка квартиры («Инком недвижимость» не играет в кубики), не говоря уже о Собаке Софи (в голове так и мелькали белоснежные зубы главврача – крепкие зубы крокодила).

В РФ Ослик много фотографировал. В основном это были крупные планы зданий, вывески, объявления и рекламные баннеры. Время от времени в кадр попадали и случайные люди, но здесь всё непросто. Обыкновенно Ослик избегал фотографировать людей, но когда они всё же оказывались в кадре, Генри тщательно редактировал снимки, удаляя лишнее. Образовавшееся пространство он заполнял ка-

кой-нибудь ретушью: фрагментом того же здания, к примеру, или граффити («Ты кто?» – надпись на заборе).

Вернувшись в Ширнесс, Генри распечатал несколько таких снимков и подарил их Олдосу. Олдос Луазье – его секретарь и ангел-хранитель. Ослик познакомился с ним в первые дни своей эмиграции, когда с утра до ночи мёл тротуар у Британского музея. Луазье тоже мёл. Как правило, они работали на противоположных сторонах улицы, то и дело поглядывая друг на друга и смущаясь. Фактически, Олдос спас ему жизнь, схватив однажды за руку на перекрёстке Bloomsbury Street и Great Russell и не позволив Генри попасть под машину. Устроившись в Ширнесский университет, Ослик немедленно предложил Луазье место помощника.

Этот человек, несомненно, нравился ему.

Олдос был довольно начитан, владел языками, имел приличное образование и богатый опыт. К своим подарочным фотографиям Генри приложил также последний роман Мишеля Уэльбека в оригинале (издательство Flammarion) и значок «Богородица, Путина прогони!», купленный на развале в Измайловском парке.

– Who is Putin? – спросил Олдос.

– President of Russia Federation, – ответил Генри, – you didn't know («а вы не знали»)?

Нет, Олдос не знал, да и зачем ему?

Олдоса вообще не интересовали отдельные личности. Зато интересовала система (мало ли кто крутит колёсики, важ-

но – какие). Насчёт русских колёсиков Олдос не сомневался. Это были неправильные колёсики, как сказал бы Винни-Пух. Это были колёсики каудильо, и неважно, кто именно этим каудильо был: Франсиско Франко (друзьям всё, врагам закон), Гитлер (каждому своё) или Путин (про которого написано в Осликовом значке).

– Come on, Aldous, they will be ok, – усмехнулся Генри. – It just needs time. A lot of time, – добавил он, но как-то с сомнением в голосе («Да ладно вам, Олдос, всё у них наладится. Нужно лишь время. Много времени»).

Тут вот что интересно: а сам-то он верил в то, что говорил? Это вряд ли. Скорей всего, Генри поддался всеобщей страсти по оптимизму, царившей в РФ. Люди там будто с ума посходили. От олигархов до правозащитников – все только и строили планы, что, в сущности, было опасно: в стране не наблюдалось никаких признаков демократизации (демократия – ответственность политика перед обществом), а пустые надежды, как известно, разрушают психику.

Буквально несколько дней назад, будучи в Москве, Ослик наблюдал за подобным явлением у «Вавилона». Это нечто! В торговый центр (некогда крупнейший в Европе) входили вполне приличные люди – довольно сдержанные и, казалось, разумные. И – на ж тебе: спустя время из магазина вылетала толпа сумасшедших. Скупившись, люди и вправду выглядели оптимистами. Они толкались, подпрыгивали и, весело хо-

хоча, неслись со всей дури на платформу Северянин (бедный поэт). Безумцы ломались в электричку, а там, рассевшись по вагонам, наперебой хвастали друг перед другом покупками и под стук колёс уносились в счастливое будущее.

Ну и как тут не заразиться удалью?

На входе в «Вавилон» ещё как-то, но на выходе – полная амнезия. Люди забывали обо всём, что мешало бы их оптимизму: о чести, об узниках совести, о полутора миллионах душевнобольных (второе место после Китая), об униженных и оскорблённых – стоит задуматься о себе. Честно говоря, наблюдая за «оптимистами» у магазина, Ослику и самому захотелось попрыгать, но, подпрыгнув раз-другой, тут же и расхотелось.

«В другой раз попрыгаю», – решил он, и уже 21 декабря вновь прибыл в столицу великой России. «Москва город-герой!» (кто бы сомневался). Стояла пятница, падал снег. Ослику нравилась здешняя зима: менялся пейзаж, менялся звук, менялось и настроение. Вы словно попадали на съёмку клипа. Не ахти какое произведение этот клип, но увлекал сам процесс.

К вечеру он завершил дела с «Инком недвижимостью» и получил документы на квартиру.

– Спасибо, Генри.

– Спасибо, Саша.

Риэлтор по имени Александр Махалов будто явился из се-

риала на СТС, где играл профессионального убийцу и соответственно махался с кем ни попадя. В сравнении с ним Ослик и в самом деле выглядел осликом Иисуса Христа: застенчивый и до одури сговорчивый. Такого обмануть – раз плюнуть. Впрочем, Махалов отнёсся к нему по-братски.

Во-первых, у Ослика были деньги, он отказался от ипотеки и даже предложил наличные. Во-вторых, они оба с Махаловым окончили военную академию (Клод Моне в Алжире), были офицерами, а офицер офицеру – брат. В каком-то смысле – братан. На прощанье Ослик прослезился.

Зато – как приятно не ошиваться по отелям, а поселиться в собственной квартире с видом на Яузский мост. Дальше маячили дом на Котельнической набережной, Persona Lab и кинотеатр «Иллюзион». Вполне комфортно: угловая квартира под крышей с евроремонтom, резервным генератором и звукоизоляцией. Здесь никто никого не услышит: ни люди Ослика, ни Ослик людей. По сути, это была автономная биосфера, со своим питанием, микроклиматом, с доступом в глобальную сеть и выходом на террасу.

Наутро он связался с Додж, рассказал ей про «биосферу» и предложил встретиться. На этот раз ей не отвертеться. Уж очень ему не терпелось повидать её. Посудите сами: он чувствовал вину перед Додж, он прощался с любовью к ней и надеялся расстаться по-человечески. К тому же – книга (его «распрекрасная» диссертация). Ослик хотел понять – а сто-

ило ли оно того? Стоило ли сочинять эту «книгу»? Любовь любовью, но он давно уже был бы дауном, если б не сбежал из дурдома, и то по случайности.

Иными словами, Ослик хотел разобраться с некоторой двусмысленностью своего положения: вместе с виной перед Додж он переживал и обиду на неё. Если так пойдёт и дальше – вряд ли Ослик чего-нибудь добьётся, и тогда возить ему Иисуса Христа не перевозить.

Как ни странно, выслушав Осликовы признания (он был предельно откровенен), Эльвира хоть и не сразу, но согласилась («Ладно, встретимся»).

– Только не у тебя, – сказала она, – где-нибудь в кафе.

– В кафе?

Московский общепит не для слабонервных. В предыдущую поездку Генри уже посмотрелся: семейные пары, их бешеные дети и радио «Шансон» в качестве музыкального сопровождения. Спасибо, не надо.

– А что, если в клубе? – робко предложил Ослик. – Bilingua, «Гоголь», не знаю, что-нибудь осталось с той поры?

Нет, с «той поры» мало что осталось. Вся более-менее свободная сцена ушла в подполье, клубы были распроданы или поменяли репертуар. В лучшем случае они придерживались нейтральных стилей наподобие RnB, Funky House (дискотека, короче), а в целом же, дудели в кремлёвскую дуду, как в своё время небезызвестный клуб «Рай» у храма Христа

Спасителя. Сам храм, надо сказать, тоже имел дурную славу (взять хотя бы историю с Pussy Riot). Как и «Рай», ХХС тоже дудел в кремлёвскую дуду, да и музыкальным сопровождением немногим отличался от московского общепита.

В итоге «любовники» сошлись на Ex Libris – небольшом арт-кафе в здании Тургеневской библиотеки. Эльвира заметно похудела, но по-прежнему выглядела такой же активной и чрезвычайно привлекательной. Нет, в ней и правда было что-то от порноактрисы. От неё так и исходило желание. Додж (даже нехотя) соблазняла и будто лучилась сексом – вне зависимости от настроения, обстановки и времени суток. «Лучится от природы», – размышлял Ослик, поглядывая на неё и понимая, как им непросто. И что он затеял эту сумятицу?

Вскоре, однако, всё разрешилось.

Они выпили по коктейлю и мало-помалу разговорились. Расставшись с Осликом в далёком 2010-м, Эльвира долгое время старалась не думать о нём, пока однажды её не пригласили в ФСБ.

Допрос не допрос, и не поймёшь сразу. Там она узнала, что Генри психически болен и, вероятно, опасен, так что лучше не иметь с ним дел и поскорей забыть о нём. «Забудьте о нём», – чекисты знали своё дело. Они зачитали ей решение медкомиссии и даже привели несколько выдержек из Осликовой диссертации. Довольно компрометирующие режим выдержки. Там он не раз обращался к теме российской

власти, доказывал её фашистскую сущность, а себя и Додж сравнивал с узниками Бухенвальда.

– Но дело даже не в этом, – Эльвира чуть замялась, – я и без того уже не любила тебя. Тут и ты, и твоя мама, и много чего.

Она не сомневалась, что Ослик сразу же всё понял (а если не понял, то сам дурак), и хватит об этом. С чего ей было заботиться о нём? С чего ей корить себя, да ещё и поддерживать лицемерную связь?

И то верно. Чем больше Ослик слушал Эльвиру, тем больше понимал её и тем меньше в нём оставалось вины перед нею. Жаль, что они не встретились раньше. Жаль, что не объяснились в письмах, но в целом всё не так уж и плохо (лучше позже, чем никогда).

Вот только кофе в Ex Libris хоть и ароматный, но невкусный. Что цикорий, мелькнула мысль. Вряд ли Иван Сергеевич Тургенев стал бы пить такой кофе, хотя и тут как знать. Доведись Тургеневу встретиться в этом Ex Libris с Марией Савиной, наверняка стал бы. Тем более, писатель прекрасно знал (и без ФСБ), что Савина – последняя его любовь, а дальше – скука. «Вот и я в хвосте жизни, – напишет заскучавший Тургенев Флоберу. – Как в испанской поговорке: хвост свежевать сложнее всего... жизнь углубляется в самое себя – её занимает лишь оборонительная борьба со смертью; и такая чрезмерная личность перестаёт быть интересна даже

самой себе».

Короче, Ослик и Додж не зря побывали здесь.

Перед тем как уйти, они посмотрели клубную витрину «хенд мейд» (всё по сто рублей) и полку с книжками – ни уму ни сердцу. Среди книжек преобладали дешёвые детективы с фантастикой, Ульянов Ленин и Маркс, а с ручными поделками и вовсе беда. В основном, это были изделия с «национальной изюминкой»: матрёшка, украшенная триколором, барельеф Сталина из папье-маше и виды Кремля во всех ракурсах. Незамысловатые, надо сказать, поделки, но зато очень точно характеризующие унылое состояние современной России.

Оптимизм? У Эльвиры Додж на этот счёт было особое мнение, довольно странное, но в целом не лишённое смысла. Быть умным и одновременно оптимистичным непросто, справедливо считала она, и всё же это возможно. «Достаточно, к примеру, улыбнуться, – промолвила Додж, осматривая поделки. – Улыбнуться не важно кому: незнакомому человеку или пусть бы даже животному». В этом месте Эля взяла Ослика за руку и не без лукавства взглянула на него.

«Допустим, перед вами мышь, грызущая сухарик. Мышь рада каждому сухарику, у неё прекрасный аппетит, она счастлива. Тут-то и возникает необходимый эффект. Завидев счастливую мышь, любой (дурак или умный – без разницы) вполне способен ощутить прилив оптимизма. Не говоря

уже о самой мышши», – заключила она и рассмеялась.

Справедливости ради – был там один экспонат, произведший на Ослика поистине неизгладимое впечатление. На подоконнике в прихожей валялась книжка Джони Фарагута «Сломанный светофор». Генри читал это «произведение» в английском варианте и, честно сказать, недоумевал, как она попала сюда? Писатель считался экстремистом, его книги были запрещены в РФ, а сборник *Defective Traffic Light*, изданный в Ardis, и подавно. Возникало лишь два предположения: либо директор арт-кафе недосмотрел (и тогда, попадись он – ему несдобровать), или книжку кто-то подкинул.

«Подкинул и был таков», – добавила Додж (но и в этом случае, если директор попадётся, ему не позавидуешь). В последнем случае налицо подрывная деятельность. Директора *Ex Libris* могли бы счесть пособником Запада и арестовать. Арестовать, а если он не откупится, то и в тюрьму посадить.

И что он так озаботился этим директором? Ну пожурят единоросса, дадут год или два (и то условно), Ослику-то что?

А вот что. Судя по ситуации, мог пострадать невинный. «Директора, может, и надо судить, – рассуждал Генри, – но не за книгу (подкинутую кем-то книгу «писателя-экстремиста»). Если уж и судить директора, то за другое. Будучи единороссом (или только сотрудничая с единороссами – не велика разница), директор не мог не знать, что является частью репрессивной машины». Хочешь не хочешь, а вместе с ты-

сячами других негодяев он способствовал нарушению прав человека и, прежде всего, права на свободомыслие.

Ослик прекрасно помнил, как вначале десятых русские издательства одно за другим отказывались печатать доклады Бориса Немцова о преступном правлении Путина, а ведь никто, никто из директоров не получал специальных распоряжений на этот счёт. Даже намёка не требовалось – все и так всё знали (иначе какой же ты директор?).

Что касается и вовсе безвестных диссидентов вроде Джо-ни Фарагута – об их публикации в РФ не могло быть и речи. За деньги ещё куда ни шло, но никакой рекламы, а зачастую и без выходных данных – чистый самиздат. Вот книжки и подкидывали куда ни попадя: на подоконники *Ex Libris*, в туалеты «Япоши» или по клубам вроде закрытого ныне *Bilingua*.

– Ну и чего ты ждёшь? – спросила Додж, оглядевшись и кивнув на подоконник со «Сломанным светофором».

Нет, не зря он любил её. Эльвира была – что надо (!): предельно честная и в меру практичная «лесбиянка». Ослик не мешкая схватил книжку и сунул её в карман.

Возвращаясь же к его исходному вопросу: а стоило ли оно того (диссертация, дурдом и бегство из страны)? – Генри мог точно ответить: «Да». Оно того стоило. Во всяком случае, Ослику не придётся кусать локти и кланяться Господу – будь то Иисус Христос, языческий бог или пусть бы даже Будда с

Аллахом («Аллах бах-бах» – надпись в автобусе). Эля взяла его за руку, трепетно улыбнулась и потащила на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.